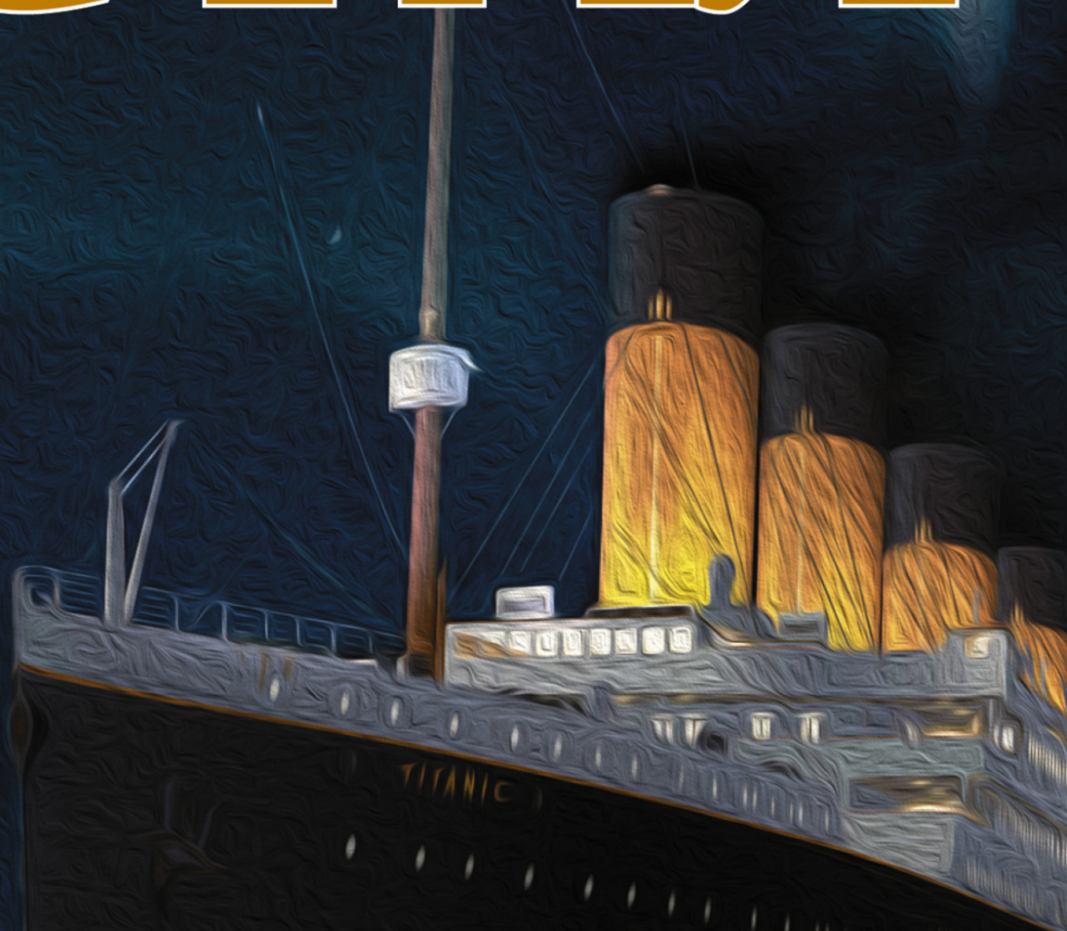

ДАНИЭЛА СТИЛ

*Больше,
чем любовь*

Миры Даниэлы

Даниэла Стил

Больше, чем любовь

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Больше, чем любовь / Д. Стил — «Издательство АСТ»,
1991 — (Миры Даниэлы)

ISBN 978-5-17-147850-6

Казалось, жизнь сулила Эдвине Уинфилд только счастье... Однако ни ее родителей, ни горячо любимого жениха Чарлза не оказалось среди уцелевших при крушении «Титаника». Нет времени для скорби: юная девушка становится главой семьи и начинает самостоятельно управлять семейным газетным бизнесом. Но дни и годы бегут... Брат Филипп, на которого Эдвина возлагала столько надежд, их не оправдывает, Джордж выбирает карьеру в зарождающемся кинематографе, а прекрасная Алексис, так и не сумевшая позабыть кошмар «Титаника», ведет себя все более странно. И лишь младшие, Фанни и Тедди, пока не доставляют хлопот...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147850-6

© Стил Д., 1991

© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Больше, чем любовь

Danielle Steel
NO GREATER LOVE

© Danielle Steel, 1991

© Перевод. Е. Елистратова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

ДАНИЭЛА
СТИЛ

ДАНИЭЛА
СТИЛ

*Больше,
чем любовь*

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

10 апреля 1912

Тишину в столовой нарушало только тиканье больших, украшенных инкрустацией и резьбой часов на каминной полке да еще деликатный шелест салфетки из плотной льняной ткани. В огромном обеденном зале, где холодно было так, что у Эдвины немели пальцы, за столом сидели одиннадцать человек. Опустив глаза, она взглянула, как в лучах утреннего солнца сверкает на пальце кольцо невесты, и улыбнулась, бросив взгляд на другой конец стола, где сидели родители. И пусть отец ее устремил взгляд в тарелку, она видела, как он лукаво улыбается краешком рта. И еще она точно знала, что под столом он держит руку мамы. Представленные самим себе, ее родители постоянно поддразнивали друг друга, смеялись и игриво перешептывались, и друзья их частенько говорили: неудивительно, что у этой пары шестеро детей! В сорок один год Кейт Уинфилд выглядела ничуть не хуже, чем в восемнадцать: сохранила гибкую фигуру и тонкую талию. И если смотреть со спины, зачастую было трудно отличить Кейт от Эдвины, старшей дочери, такой же высокой, с блестящими темными волосами и огромными голубыми глазами. Мать и дочь были очень близки – их семья вообще была очень дружной: они много смеялись, болтали, а случалось – плакали, обнимались и шутили, и без озорных проделок не проходило и дня.

И сейчас Эдвина едва могла сохранять серьезное лицо, глядя, как брат Джордж выдыхает облачка пара в арктическом холоде столовой, которую дядя Руперт, он же лорд Хикам, любил вымораживать, как на Северном полюсе. Ни к чему подобному дети Уинфилдов привычки не имели. Куда комфортнее теплый климат Калифорнии и удобство американской жизни. Месяцем раньше они прибыли сюда из Сан-Франциско, чтобы погостить у тети с дядей и заодно объявить о помолвке Эдвины. История, похоже, решила повториться – Англия в их семействе играла роковую роль. Двадцать четыре года назад Элизабет, сестра Кейт, вышла замуж за лорда Руперта и прибыла в Англию, чтобы стать виконтессой и хозяйкой поместья Хавермур. В двадцать один год она повстречала лорда Хикама, который был намного старше, когда приехал в Калифорнию в компании друзей, и влюбилась до смерти. Более двадцати лет спустя ее племянники и племянницы ломали головы над загадкой этой страсти. Сухой, неприветливый, до ужаса негостеприимный лорд Хикам, похоже, никогда не смеялся, и всем им было ясно, что ему ужасно неприятно уже само присутствие в доме детей. То есть не то чтобы он их не любил, спешила объяснить тетя Лиз, просто не привык к ним, поскольку собственных детей у лорда никогда не было.

Наверное, именно поэтому лорд пришел в ярость, когда Джордж запустил пару-тройку крошечных головастика в его стакан с элем (это когда дядя Руперт вернулся с утиной охоты, на которую ездил вместе с их отцом). По правде говоря, Руперт давно перестал мечтать о собственных детях, но когда-то давно понимал, что ему нужен наследник, чтобы было кому оставить и Хавермур, и прочие обширные поместья. В конце концов стало ясно, что Великий План ничего подобного не предусматривает. Первая супруга лорда успела настрадаться выкидышами, прежде чем умереть от неудачных родов за семнадцать лет до того, как лорд женился на Лиз, которую он без конца корил за то, что она тоже не подарила ему детей. Конечно, он не хотел иметь их в таком количестве, как Кейт и Бертрам, и уж точно желал бы видеть более воспитанными, нежели их дети. Совершенно возмутительно, выговаривал он жене, что только не сходит им с рук! Но таковы уж американцы, это всем известно. Ни чувства собственного достоинства, ни умения держать себя в руках, ни образования или хотя бы подобия дисциплины. Однако он испытал огромное облегчение, когда Эдвина собралась замуж за юного Чарльза Фицджеральда. Похоже, девица не столь уж безнадежна, проворчал он, когда Лиз сообщила ему эту новость.

Лорду Хикаму сравнялось семьдесят, и он, мягко говоря, не обрадовался, когда Кейт написала сестре, спрашивая, нельзя ли им всем приехать да пожить у нее. Они собрались в Лондон, чтобы встретиться с Фицджеральдами и объявить о помолвке, но Руперта шокировала мысль, что они все заявятся после этого в Хавермур.

– Что, со всем выводком? – Казалось, лорд пришел в ужас, когда за завтраком Лиз осторожно задала ему вопрос. Наступало время Рождества, а они собирались приехать в марте. Лиз надеялась, что у нее в запасе достаточно времени, чтобы убедить Руперта. Кто знает – может, он и в самом деле даст согласие? Лиз отчаянно хотелось, чтобы сестра приехала и чтобы дети оживили ее унылое существование. За двадцать четыре года жизни с Рупертом она возненавидела Хавермур и тосковала по сестре и счастливому детству, которое было у них в Калифорнии.

Жить с Рупертом было тяжело, и их брак так и не стал тем союзом, о котором она мечтала. Сперва ее впечатляли величавость надменного аристократа, титул, подчеркнутая учтивость в обращении и рассказы о «цивилизованной жизни» в Англии. Разница в возрасте у них составляла двадцать пять лет, и, прибыв в Хавермур, Лиз была неприятно поражена мрачной и угнетающей атмосферой имения, в котором к тому же царила ужасающая разруха. В те дни у Руперта имелся также дом в Лондоне, но вскоре Лиз поняла, что он им даже не пользуется. Через четыре года, ни разу не появившись в этом доме, он продал его одному из своих добрых друзей. Она понимала, что ей помогли бы дети, и жаждала завести настоящую семью и услышать, как в мрачных залах звучит эхо детских голосов, но год шел за годом, и стало ясно, что судьба распорядилась иначе, и она жила лишь встречами с детьми Кейт в редкие наезды в Сан-Франциско. Но в конце концов даже в этих маленьких радостях ей было отказано, поскольку Руперт сделался слишком болен, чтобы путешествовать, а потом и вовсе объявил, что стал слишком стар. Подагра, ревматизм и почтенный возраст отныне не позволяли ему странствовать по миру, и нужно было, чтобы жена заботилась о нем день и ночь. Лиз оказалась запертой в Хавермуре, как в ловушке. И чаще, чем ей бы хотелось признать, она мечтала о том, чтобы вернуться в Сан-Франциско, но все эти годы ее мечты так и оставались мечтами. Поэтому приезд Кейт и детей имел для нее особенное значение, и она была очень благодарна Руперту, когда он сказал, что они могут приехать, лишь бы не вздумали остаться у них насовсем.

На такое счастье Лиз даже не надеялась. В последний раз родственники приезжали сюда несколько лет назад, и она ликовала. Все эти годы она только и мечтала, чтобы снова прогуляться с сестрой по саду. Когда-то их можно было принять за близнецов, да и теперь Лиз поразила вид сестры, которая выглядела молодо и привлекательно и, похоже, была до сих пор влюблена в Берта. Уже в который раз Лиз горько пожалела, что вообще вышла за Руперта, и все эти годы задавалась вопросом – какой была бы ее жизнь, не сделайся она леди Хикам. Вышла бы замуж в Штатах...

В юности они с Кейт были такими беззаботными и счастливыми – дома, с обожающими их родителями. Когда им стукнуло восемнадцать, обеих стали вывозить в свет, и девушки наслаждались жизнью: званые обеды, балы, вечеринки, – а потом откуда ни возьмись появился Руперт, и Лиз уехала с ним в Англию. Прожив почти полжизни, она так и не почувствовала себя дома. Ни в одной мелочи не удалось ей изменить порядки, заведенные Рупертом до того, как она приехала в Хавермур. Собственно, Лиз так и осталась здесь гостьей, которая не имеет ни влияния, ни власти и которой даже не рады. Поскольку она не сумела произвести на свет наследника, и само присутствие ее здесь потеряло смысл.

Как непохожа на ее серые будни жизнь сестры! Разве Кейт сможет ее понять? Молодой темноволосый красавец муж и шестеро прекрасных детей, которые появлялись, как дар Небес, с завидным постоянством на протяжении двадцати двух лет счастливого брака. Три сына и три дочери обладали веселым нравом и крепким здоровьем. Унаследовав ум и красоту родителей,

все, как отец, отличались живым чувством юмора. И вот что удивительно: любой, кто знал Кейт и Берта, сказал бы, что они одарены слишком щедро, и тем не менее им если и завидовали, то по-доброму, потому что сомнений не было: они-то свое счастье заслужили. Лиз тоже не позволяла себе зависть черного толка, хоть и завидовала сестре и нередко высказывалась вслух. Это казалось правильным, потому что Кейт и Берт были людьми достойными, воплощением честности, порядочности и доброты. И они отлично сознавали, что счастье – их главное богатство, о чем считали необходимым говорить с детьми. Лиз грустила о любви, которой никогда не знала: ребенка, супруга, – и нежной любви, которая крепко связала Кейт и Бертрама. За долгие годы жизни с Рупертом Лиз научилась сдержанности. Говорить ей было не с кем, да и не о чем. Руперт никогда особенно ею не интересовался. Пока был помоложе, его занимали дела поместья: утки, куропатки и фазаны – и охота: лошади и собаки. Жена была ему без особой надобности, особенно теперь, когда его мучила подагра. Лиз годилась для того, чтобы принести ему вина, вызвать прислугу и помочь лечь в постель. Его покои находились далеко от ее спальни, в другом конце длинного коридора, так было заведено давно – с тех пор, как он понял, что детей она ему не родит. Что их связывало? Только сожаления, да общий дом, да ледяное одиночество. Поэтому принять у себя Уинфилдов значило распахнуть настежь ставни, сорвать тяжелые шторы навстречу свежему чистому воздуху калифорнийской весны.

Икота и сдавленный смешок послышался с другого конца стола, противоположного тому, где сидели Лиз и Кейт по обе стороны от лорда Руперта, но он сделал вид, будто ничего не слышит. Сестры обменялись улыбками. С момента приезда четы Уинфилд Лиз, казалось, помолодела лет на десять. Присутствие сестры, племянников и племянниц, как всегда, вернуло Лиз к жизни, а у Кейт разрывалось сердце при виде состарившейся сестры, ее одинокой жизни в унылой сельской глуши, в доме, который она ненавидела, с человеком, который, очевидно, ее не любил, причем не любил никогда. А теперь она страдала из-за их отъезда. Не пройдет и часа, как их здесь уже не будет, и одному богу известно, приедут ли они еще когда-нибудь в Англию. Кейт пригласила сестру в Сан-Франциско, чтобы помочь с приготовлениями к свадьбе Эдвины, однако Лиз понимала, что не сможет надолго оставить Руперта, но приехать в августе на свадьбу обещала.

Икота на другом конце стола была сущим облегчением, предоставив возможность Кейт перевести взгляд на Алексис, почти шестилетнюю озорницу, которой Джордж что-то шептал, а та едва не лопалась от смеха.

– Шшш! – шепнула Кейт, быстро взглянув на Руперта.

У них-то за завтраком бывало шумно, точно на пикнике в честь Дня независимости, но здесь нужно было вести себя прилично. И на этот раз дети очень старались соблюдать установленные Рупертом правила, к тому же тот с возрастом, кажется, немного смягчился: несколько раз брал с собой на охоту шестнадцатилетнего Филиппа, и юноша – хоть и признался отцу, как ему противно это занятие, – был неизменно вежлив и благодарил дядю. Очень в духе Филиппа, который вечно хотел всем угодить. Неизменно добрый, вежливый, мягкий и поразительно чуткий для своего возраста юноша. Из всех детей Уинфилдов был самым ответственным. С трудом верилось, что ему всего шестнадцать. Разумеется, исключением была Эвина, но той уже исполнилось двадцать, и через пять месяцев она обзаведется мужем и собственным семейным очагом, а еще через год, надо надеяться, и ребенком. Кейт постоянно приходилось себе напоминать, что ее старшенькая достаточно повзрослела, чтобы выйти замуж и завести детей.

Сейчас они возвращались домой, где их ждали предсвадебные хлопоты. Чарлз также возвращался вместе с ними в Штаты. Ему было двадцать пять, с Эдвиной они случайно познакомились в Сан-Франциско, он влюбился по уши, и с прошлого лета они встречались.

Домой Эвина и Кейт везли целые ярды купленной в Лондоне чудесной ткани цвета слоновой кости. Свадебное платье взялась шить личная портниха Кейт. Это должно быть настоя-

щее произведение искусства с вышивкой крошечными жемчужинками. А над фатой уже трудилась француженка, недавно приехавшая в Лондон из Парижа. Привезти фату в Сан-Франциско в конце июля должна была леди Фицджеральд. А до этого предстояло переделать кучу дел. Бертрам Уинфилд был далеко не последней личностью в Калифорнии. Его семья владела одной из самых популярных газет в Сан-Франциско, и предполагалось, что на свадьбе будет присутствовать не одна сотня гостей. Над списком Кейт и Эдвина трудились почти месяц, и там набралось уже больше пятисот кандидатур. Но Чарлз только рассмеялся, когда Эдвина предупредила, что гостей может быть еще больше.

– В Лондоне было бы куда страшнее. Два года назад, когда выходила замуж моя сестра, на свадьбе было более семисот приглашенных. Слава богу, я тогда еще торчал в Дели.

Последние четыре года Чарлз провел в путешествиях. После двух лет в Индии вместе с армией он предпринял поездку в Кению, где провел год. Эдвине ужасно нравилось слушать его рассказы о тех приключениях, что происходили там. Она умоляла его отправиться на месяц в Африку, но Чарлз решил быть поближе к цивилизации. Они планировали провести осень в Италии и Франции, а в Лондон хотели вернуться к Рождеству. Эдвина очень надеялась, что к тому времени будет в положении. Она была безумно влюблена в Чарлза и хотела большую семью, такую же, как ее собственная, и супружеские отношения, наполненные счастьем, как у ее родителей. Не то чтобы они никогда не ссорились: еще как ссорились. Когда мама выходила из себя, в их доме в Сан-Франциско буквально дрожали люстры! Но гнев всегда побеждала любовь. А еще была нежность, и сопереживание, и умение прощать. И что бы ни случилось, все видели, как любили друг друга Кейт и Бертрам. Именно так хотела жить Эдвина с Чарлзом, не больше, но и не меньше. Ей не требовалось ни положения, ни титула, ни особняков – ничего из того, что столь неосмотрительно привлекло тетю Лиз к напыщенному Руперту. Ей хотелось доброты, чувства юмора, живого ума, чтобы вместе можно было смеяться, болтать и работать. Правда, заботиться о куске хлеба им не придется: их ждала легкая и приятная жизнь. Чарлз любил спорт, развлечения в компании друзей, ему никогда не приходилось зарабатывать на жизнь, но ему внушили правильные ценности, и за это она его уважала. Придет день, и он займет место своего отца в палате лордов.

А еще Чарлз, как и Эдвина, хотел, чтобы у них было не меньше полудюжины детей. У ее родителей могло быть семеро, но один малыш умер при рождении – мальчик, который шел следующим за ней и предшествовал Филиппу, отчего у брата развилось повышенное чувство ответственности. Став таким образом старшим из сыновей, он как будто занял чужое место и принимал близко к сердцу все, что делал, отчего на плечи его ложилась дополнительная ответственность. И это здорово облегчало жизнь двенадцатилетнему Джорджу, который считал своей главной жизненной задачей развлекать всех вокруг, начисто забывая обо всякой ответственности. Он при каждом удобном случае изводил Алексис и младших и полагал, будто именно ему выпала честь избавить старшего брата от излишней суровости характера, что он и делал, устраивая кавардак в его кровати или запуская ужей в его ботинки. Очень кстати приходились мыши в карман или перец в утренний кофе – это чтобы день начался правильно. Филипп искренне полагал, что Джордж послан ему, дабы отравить существование, и когда ему – что случалось нечасто – нравилась девочка, Джордж выскакивал, как черт из табакерки, и давал советы, словно обладал опытом по женской части. У Джорджа вообще отсутствовало это качество – застенчивость. Он вел себя запанибрата с кем угодно. На корабле, который доставил их в Англию, Кейт и Бертраму проходу не давали новые восторженные знакомые их сына: «О-о, так вы родители Джорджа!» – и Кейт внутренне содрогалась, гадая, что он натворил на этот раз. Зато Бертрам смеялся – его забавляли безобидные розыгрыши мальчика и живость его натуры. Самой робкой из всех детей была следующая за Джорджем малышка Алексис, с ореолом светлых кудряшек и огромными голубыми глазами. У остальных были темные волосы и синие глаза, как у Кейт и Бертрама, и только Алексис уродилась

такой светленькой, что на солнце ее волосы казались белыми. Похоже, ангелы, наделив Джорджа и храбростью, и лукавством сверх меры, для равновесия одарили Алексис чем-то более редким и ценным. Куда бы ни шла девочка, с нее не сводили восхищенных взглядов, и вслед слышалось: «Какая же хорошенькая!» И в считанные минуты она вдруг пропадала, растворялась в воздухе, чтобы через несколько часов появиться опять, тихо и спокойно, словно прилетев на невидимых крыльях. Для Кейт она была «моя дочурка», а для Бертрама – «крошка», счастливо жила в окружении домашних, под их надежной защитой, и крайне редко разговаривала с посторонними. Алексис могла проводить долгие часы в саду, где плела венки, чтобы украсить мамину прическу. Родители были для нее всем на свете, хотя и Эдвину она тоже любила. Только вот самой Эдвине была ближе четырехлетняя Френсис, или Фанни, как ее все называли, с милыми розовыми щечками, пухлыми ручками и крепкими ножками. Ее улыбка могла растопить любое сердце, особенно папино, и у нее, как и у Эдвины, были голубые глаза и блестящие черные волосы. Это была полная копия отца, и не только внешне: девочка унаследовала также его добродушный нрав, никогда не унывала и не капризничала, как и малыш Тедди, которому исполнилось два и в котором мать не чаяла души. Он как раз научился говорить и без устали исследовал мир – то тут, то там мелькала голова в кудряшках и разливался громкий веселый смех. Он обожал бегать, и Уне то и дело приходилось его догонять. Это была милая девушка-ирландка, которая спаслась бегством из страны, когда ей было четырнадцать, и Кейт повезло встретить ее в Сан-Франциско. Без этой добросовестной и исполнительной девушки Кейт было бы непросто управиться с детьми. Няня порой сетовала, что Кейт слишком балует маленького Тедди, и та со смехом признавалась, что так оно и есть: она действительно прощала своим детям любые выходки, потому что любила их всем сердцем.

Но что по-настоящему удивляло Кейт, и с каждым годом все больше, насколько разными были ее дети! Каждый – неповторимая личность с собственными особенностями и потребностями. Они были разными во всем: в характерах, в своих надеждах и чаяниях, в отношении к ней, друг к другу и к жизни вообще... – от Алексис, с ее страхами и застенчивостью, до Филиппа, с его непреклонным чувством ответственности, и Джорджа, начисто лишенными таковой. А была еще Эдвина, с ее неизменным и спокойным ощущением уверенности в себе, всегда добрая и заботливая. Кейт с радостью и облегчением видела, что дочь без памяти влюблена в Чарлза и счастлива. Эдвина всегда была правой рукой матери, и Кейт считала, что пришло, наконец, время отправиться ей в самостоятельное плавание.

Жаль только, что дочери придется переехать в Англию. Вот уже второй раз чужеземный берег отнимал у нее любимое существо. Оставалось лишь надеяться, что дочь окажется счастливее, чем сестра, но, к ее радости, Чарлз ничем не напоминал Руперта: молодой, умный и обаятельный, добрый и привлекательный. Кейт думала, что из него получится прекрасный муж.

Сегодня утром они должны встретиться с Чарлзом на причале «Белой звезды» в Саутгемптоне. Он согласился вернуться в Штаты вместе с ними, отчасти потому, что не мог смириться с мыслью о разлуке с Эдвиной на следующие четыре месяца, отчасти по настоянию Берга – путешествие было его подарком на помолвку. Они дружно сядут на новый, еще пахнущий краской корабль, которому предстояло совершить свой первый выход в открытое море, и все сгорали от радостного предвкушения.

Но сейчас Уинфилды сидели в столовой Хавермура, и Алексис, которой Джордж вполголоса сказал что-то возмутительное, уже давилась от хохота. Глядя на детей, Бертрам тоже едва сдерживал смех, но тут Руперт поднялся, а это означало, что трапеза окончена и все наконец свободны. Бертрам обошел стол, чтобы с ним попрощаться, и мужчины пожали друг другу руки. В этот момент Руперту стало почему-то искренне жаль, что Уинфилды уезжают. Ему нравились американские родственники, и даже Кейт, хотя отношения с их отпрысками по-прежнему оставались натянутыми.

– Чудесно провели у вас время, Руперт! Приезжайте-ка навестить нас в Сан-Франциско, – сказал Бертрам, и прозвучало это почти искренне.

– Боюсь, мне это уже не под силу, – сухоато заметил сэр Хикам.

– И все-таки вдруг надумаете. Приезжайте, будем рады. – Мужчины снова обменялись рукопожатиями.

– А вы обязательно напишите нам и расскажите про пароход! Наверное, это нечто потрясающее. – Руперт даже позавидовал Уинфилдам, но только на минуту, и подумал: «Слава богу, что они наконец уезжают».

Зато Лиз не разделяла его восторгов. При одной мысли о необходимости куда-то плыть начинало отчаянно тошнить, и она заранее с ужасом представляла, как в июле будет пересекать океан.

– О нем, наверное, напишут в вашей газете, Берт? – поинтересовался Руперт.

Бертрам улыбнулся. Он крайне редко писал в собственную газету: разве что время от времени сочинял передовицы, когда не мог удержаться, – но сейчас, надо признаться, такая мысль уже приходила ему в голову.

– Может быть. Если это произойдет, то пришлю вам экземпляр, как только выйдет из печати.

Приобняв Бертрама за плечи, Руперт проводил его до двери, пока Кейт и Эдвина собирали остальных, чтобы отдать на попечение ирландки Уны – детям нужно было посетить ванную комнату, прежде чем отправиться в Саутгемптон.

Рань была несусветная. Солнце только-только показалось на небе, но ведь им предстоял трехчасовой переезд. Руперт отрядил своего шофера и двух конюхов, которые умели водить машину, чтобы отвезли Уинфилдов в Саутгемптон в трех авто, захватив и тот багаж, который еще оставался при них. Большая часть чемоданов отправилась в путь днем раньше, чтобы дожидаться хозяев в каютах корабля.

Закончив туалет, гости набились в три машины. Эдвина и Филипп с несколькими саквояжами уселись в первую машину, и с ними Джордж, который настоял, чтобы сидеть рядом с конюхом, который исполнял обязанности шофера. Уна с Фанни и малышом Тедди устроились в другой, а Кейт и Бертрам с Алексис должны были ехать в личной машине Руперта, которая называлась «Серебряный призрак». Лиз хотела было поехать с ними, но Кейт сочла, что это слишком долго. Да и расставались они всего на четыре месяца. Сестры обнялись, и Лиз долгую минуту не могла выпустить Кейт из объятий: почему-то сегодня с утра ей было не по себе.

– Береги себя... Я буду ужасно скучать...

Почему-то в этот раз было больно видеть, как сестра уезжает: словно тяжесть предыдущих расставаний вдруг сделалась невыносимой! Лиз опять обняла сестру, и Кейт рассмеялась, поправляя шляпку – последний писк моды, – которую Бертрам купил ей в Лондоне.

– Лиз, ты и оглянуться не успеешь, как наступит июль, – шепнула она сестре на ушко. – И ты снова будешь дома.

Она поцеловала Лиз в щеку и отстранилась, чтобы в последний раз окинуть взглядом. Почему она выглядит такой изнуренной и грустной? Кейт снова подумала о дочери, которой предстояло переехать в Англию, когда выйдет за Чарлза. Оставалось лишь молиться, чтобы у нее жизнь сложилась счастливее, чем у сестры. Страшно, как подумаешь, что Эдвина окажется на другом краю света! И как грустно снова оставлять здесь Лиз! Тем временем Руперт, хмыкнув, отдал приказание шоферам и велел отправляться, чтобы не опоздать: корабль отходил через какие-то пять часов.

– Он ведь в полдень отплывает, не так ли? – Руперт достал карманные часы и показал Берту, а Кейт в последний раз обняла сестру и села в машину, усадив Алексис рядом с собой.

– Да, в полдень, так что у нас еще останется время.

Было десятое апреля, половина восьмого утра.

– Желаю прекрасно провести время! Это великолепное судно! Счастливого пути!

Руперт махнул на прощание, когда первая машина тронулась в путь. Лиз подошла к нему, и они вместе проводили две другие машины. Кейт помахала им из окна – на лице широкая улыбка, на коленях Алексис и рядом Бертрам, который обнимал жену за плечи.

– Я люблю тебя! – крикнула Лиз, когда автомобили уже набирали скорость. – Я тебя люблю!

Слова потонули в реве моторов, и она смахнула слезу в уголке глаза, не понимая, отчего ее гложет тревога. Право же, это глупо, ведь она скоро снова увидит родных. Лиз улыбнулась, возвращаясь в дом вслед за Рупертом. Муж заперся в библиотеке, как было заведено у него по утрам, а Лиз пошла в столовую. Глядя на пустые стулья и наблюдая, как убирают со стола грязные тарелки, она вдруг ощутила невыносимое одиночество. Только что эта комната была наполнена жизнью, потому что здесь находились те, кого она так любила, а теперь здесь пусто, и она снова осталась одна.

Глава 2

Они прибыли на причал Саутгемптона, и автомобиль, в котором ехали Кейт и Бертрам, первый в процессии машин лорда Хикама, направился к месту, где на корабль садились пассажиры первого класса. Во второй машине Джордж возбужденно подскакивал на сиденье, и Эдвине пришлось, наконец, потребовать, чтобы он сидел смирно, иначе они с Филиппом окончательно сойдут с ума.

– Ты только посмотри, посмотри на него! – тыкал пальцем в сторону четырех внушительных пароходных труб Джордж.

Филипп просил его успокоиться. В отличие от чересчур буйного младшего брата, он успел кое-что прочесть о пароходе, которому предстояло отправиться в свой самый первый рейс. У корабля был брат-близнец, «Олимпик», выпущенный на линию годом ранее, но их корабль стал самым большим в истории! Находившийся в распоряжении Королевской почтовой службы «Титаник» ненамного превосходил корабль-предшественник, но был в полноту больше, чем любое другое судно в мире. При виде такой махины Джордж преисполнился благоговения. Газета отца в специальной статье уже дала ему прозвище Чудо-пароход, а на Уолл-стрит его называли Кораблем миллионеров. Отправляться в самый первый его вояж было исключительной привилегией. Бертрам Уинфилд зарезервировал пять из двадцати восьми особых кают на палубе «В». Такие каюты, помимо всего прочего, также отличали их корабль от любого другого судна. Вместо бортовых иллюминаторов там были настоящие окна, а сами помещения украшали старинные вещицы из Дании, Франции и Британии. Линия «Белая звезда» превзошла самое себя! Все пять кают, предназначенные для семьи Уинфилд, сообщались между собой, так что у них было нечто вроде огромного гостиничного номера вместо нескольких смежных кают.

Джорджу предстояло делить каюту с Филиппом, Эдвиной и Алексис, Уне – с малышами Фанни и Тедди, а Бертрам и Кейт помещались в самой большой из кают, рядом с той, которую занимал их будущий зять Чарлз Фицджеральд. Путешествие обещало стать увеселительной поездкой, и Джорджу не терпелось подняться на борт. Он пулей выскочил из машины и бросился к трапу, но старший брат оказался проворнее. Поймав Джорджа за локоть, он потащил его туда, где Эдвина помогала матери собрать остальных, и наставительно произнес, совсем как отец:

– И куда это вы, молодой человек?

– Ты говоришь, как дядя Руперт, – буркнул Джордж и бросил на него сердитый взгляд.

– Пустяки. Главное – стой здесь, пока папа не скажет, что можно идти на борт. – Он взглянул поверх плеча Эдвины и увидел, как Алексис с страхе жмет к материнской юбке, а няня пытается сладить с двумя младшими – оба уже плакали навзрыд. – Иди и помоги успокоить Тедди. Уна должна помочь маме собрать чемоданы.

Тем временем Бертрам отправлял в обратный путь шоферов лорда Хикама. Обычно Джордж любил такие ситуации полной неразберихи, когда можно сбежать и заняться чем хочешь, а сейчас пришел в ужас от перспективы сделаться нянькой, когда здесь можно сделать столько открытий! Величественный корпус «Титаника» возвышался над ними горой, и Джорджу ничего так не хотелось, как забраться на борт и отправиться на поиски приключений. Столько загадок предстояло разгадать! Он сгорал от нетерпения. Нельзя было терять ни минуты!

– Я что, обязан?

– Да, тебе придется им помочь, – буркнул Филипп, подтолкнув Джорджа в сторону младших, а сам направился на подмогу к отцу. Краем глаза он заметил, что Эдвина отчаянно пытается успокоить Алексис.

– Не будь глупышкой! – Она присела рядом с младшей сестрой, одетой в новый элегантный костюмчик из синей шерсти. – Чего здесь бояться? Смотри: это как плавучий город. А через несколько дней мы будем в Нью-Йорке, а потом сядем на поезд до Сан-Франциско.

Эдвина пыталась казаться веселой, будто говорила о приключении. Невероятные размеры корабля явно привели девочку в ужас. Вырвавшись из рук сестры, малышка нырнула в материнские юбки и снова заплакала.

– Ну что такое? – Кейт взглянула на старшую дочь, пытаясь расслышать ее слова сквозь грохот и звон: оркестр на мостике как раз грянул регтайм. До этого момента, однако, на причале было необычно тихо. Очевидно, компания «Белая звезда» сочла всяческие фанфары излишними. – Почему мы плачем?

– Она напугана, – объяснила Эдвина, и Кейт кивнула, поняв ее по губам. Бедная Алексис постоянно пугалась всего нового – событий, людей, мест.

Затянутой в перчатку миниатюрной ручкой Кейт погладила светлые шелковистые волосики дочери, нагнувшись, что-то прошептала на ушко, и девочка заулыбалась (мать напонила, что через пять дней у нее день рождения, пообещала устроить праздник на борту корабля, а потом еще один, когда они доберутся до Сан-Франциско).

– Договорились? – прошептала Кейт, но Алексис только покачала головой и расплакалась пуще прежнего, цепляясь за мать.

– Я не хочу на пароход. – И прежде, чем Алексис успела добавить хоть слово, такие родные сильные руки подхватили ее и усадили к отцу на плечи.

– Ну же, ягодка моя. Ты ведь не хочешь остаться в Англии без нас, правда? Конечно, нет, глупышка! Мы все едем домой на самом прекрасном корабле в мире. А знаешь, кого я только что видел? Я видел маленькую девочку, твою ровесницу, и готов поспорить, что вы станете подружками еще до того, как мы доберемся до Нью-Йорка. А теперь давай поднимемся на борт и посмотрим, какие у нас каюты, ладно?

Берт сумел успокоить малышку: плакать она перестала, – взял жену за руку и повел свое семейство к трапу. Благополучно поднявшись на борт, он спустил Алексис с плеч и дал ей руку. Девочка крепко ухватилась за отцовскую ладонь, и он повел своих дам вверх по главной лестнице на верхнюю палубу, заглянув по пути в окна гимнастического зала, где стоял электрический верблюд, о котором ходило столько слухов.

Везде толпились пассажиры, разглядывая красивую отделку, изящную резьбу деревянных панелей, изысканные люстры, драпировки и прочие элементы декора, а также, невиданное дело, пять прекрасных роялей. Даже Алексис притихла, пока они знакомились с кораблем, прежде чем отправиться на палубу «В» к своим каютам.

– Просто потрясающе, правда? – с восторгом заметил Берт, и Кейт улыбнулась.

Ей очень нравилось, что муж рядом: с ним так уютно, безопасно и романтично плыть между Старым и Новым Светом, зная, что дети устроены и окружены заботой. Чтобы отдохнуть в обществе супруга и расслабиться, она решила позволить Уне чуть большую свободу в обращении с детьми. Берт пришел в восторг, когда увидел спортивный зал и заглянул в курительную, но тут Кейт улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Даже не думай! Все твое свободное время в этом путешествии принадлежит мне.

Кейт на миг прижалась к нему, и Берт улыбнулся:

– Хочешь сказать, что Чарлз и Эдвина не единственные влюбленные на борту?

– Надеюсь, что нет. – Кейт многозначительно улыбнулась и кончиками пальцев ласково коснулась его щеки.

– Ну что же, народ, не отправиться ли нам по каютам, распаковать вещи? А потом пойдем посмотрим, что тут и как!

– А прямо сейчас нельзя? – взмолился Джордж.

Его распирало от любопытства, однако Берг настоял, что будет лучше, если они сначала отведут младших посмотреть каюты – пусть осваиваются, а потом они с Джорджем вдвоем отправятся на поиски приключений! Однако искушение оказалось сильнее. Не успели они добраться до палубы «В», двумя этажами ниже спортивного зала, как Джордж исчез. Кейт встревожилась: куда мог подеваться этот мальчишка? – и хотела было отправить на поиски брата Филиппа, но Берг ее остановил:

– Да ладно – куда он денется? С ним все будет в порядке, если только ему не взбредет в голову сойти на берег, да только он не сделает этого и за все сокровища мира – ему здесь слишком интересно! Как только мы устроимся, я сам его разыщу.

Кейт нерешительно кивнула, но ее тревога из-за возможной проделки сына отнюдь не улеглась. Но как только они увидели, какие роскошные каюты зарезервировал для них Бертрам, все тревоги отошли на задний план. А посмотреть тут было на что. А уж сколько радости вызвал Чарлз, когда несколько минут спустя появился на пороге их каюты!

– Это здесь? – Его голова появилась в дверях главной гостиной: идеально подстриженные темные волосы, сияющие голубые глаза, – он заметил свою нареченную.

А Эдвина при его появлении вскочила и бегом пересекла маленькую гостиную, в которой предполагали уединяться Кейт и Бертрам.

– Чарлз! – Очутившись в его объятиях, Эдвина залилась краской, и глядя на девушку, нельзя было сомневаться в счастье двух влюбленных.

Чарлз подхватил невесту за талию и закурил, а Фанни и Алексис захихикали.

– Эй вы, что тут смешного?

Чарлз обожал играть с малышами, а Тедди и вовсе казался ему самым милым ребенком на свете. Они были добрыми друзьями с Филиппом, и даже на Джорджа с его проделками он не сердился. Прекрасная семья эти Уинфилды, и Чарлз благодарил Небеса за встречу с Эдвиной.

– А собачек вы уже видели? – спросил он девочек, глядя поверх плеча невесты.

Фанни покачала головой, но Алексис вдруг разволновалась.

– Мы непременно к ним ходим, но только после того, как вы поспите днем.

– Где они? – испуганно спросила Алексис.

– В клетках, в трюме, и выйти они не могут, – заверила ее Эдвина.

Алексис ни за что не вышла бы из каюты до конца путешествия из страха наткнуться на собаку, разгуливающую по коридорам.

Потом Эдвина передала детей на попечение Уны и пошла вместе с Чарлзом в его каюту. Ее отец зарезервировал для него прекрасную каюту, и здесь, укрывшись от не в меру любопытных детских глаз, Чарлз привлек ее к себе и нежно поцеловал в губы. Эдвина едва могла дышать, забыв обо всем на свете. В такие минуты она опасалась, что они не утерпят до августа... но об этом не могло быть и речи, даже в таком романтическом путешествии. Эдвина никогда бы не предала доверие своих родителей, да и Чарлз тоже, но как же трудно было держать себя в руках до самой середины августа!

– Не желаете ли прогуляться, мисс Уинфилд? – улыбнулся Чарлз.

– С удовольствием, мистер Фицджеральд.

Чарлз бросил тяжелое пальто на кровать, перед тем как выйти на прогулку. На борту было довольно тепло, а он был слишком счастлив, чтобы думать о чем-то другом, кроме невесты. Они не виделись всего несколько дней, но каждый час казался им вечностью. Эдвина радовалась, что жених возвращается в Сан-Франциско вместе с ними. Она бы не вынесла долгой разлуки.

– Как же я скучала, – шепнула она, пока они поднимались по парадной лестнице на прогулочную палубу.

– И я тоже, любимая. Но очень скоро мы будем вместе, и нам больше не придется расставаться, даже на минуту.

Она кивнула, совершенно счастливая. Они миновали французское «уличное кафе» на маленьком «бульваре», официанты которого проводили Эдвину восхищенными взглядами и улыбками, не переставая трещать по-французски, как сороки. Похоже, многие пассажиры первого класса были заинтригованы этими новшествами. Ни один корабль в мире не мог похвастать ничем подобным: «Титаник» превосходил их во всем.

Они шли по направлению к носовой части корабля, где на прогулочной палубе была устроена застекленная ниша, откуда можно было смотреть на море, оставаясь вне досягаемости для брызг и капризов погоды.

– Похоже, на этом корабле множество уютных укромных уголков, любимая. – Чарлз улыбнулся и сжал ее локоть, а Эдвина рассмеялась.

– Наверняка и Джордж обнаружил подобный. Не успели мы дойти до каюты, как он исчез. Этот ребенок безнадежен! Не понимаю, как мама терпит его выкрутасы, – раздраженно заметила Эдвина.

– Не преувеличивай! – встал на защиту будущего родственника Чарлз. – Джордж отлично знает, какие границы переступать нельзя.

У Эдвины не было желания возражать, хотя порой ей хотелось придушить брата собственными руками.

– Наверное, ты прав. Поразительно, как непохожи они с Филиппом! Он никогда не сделал бы ничего подобного.

– Я в детстве тоже был послушным, поэтому сейчас, наверное, и восхищаюсь вашим Джорджем. Жалею, что был не таким. Мальчишка своего не упустит.

Чарлз рассмеялся, а Эдвина счастливо заулыбалась, запрокинув к нему лицо. Он обнял ее за плечи, и они вместе стали смотреть, как огромный корабль медленно отходит от причала. Опять она почему-то вспомнила про Джорджа: вдруг он и правда убежал на берег? Ведь любопытство куда угодно заведет. Впрочем, это маловероятно: и на пароходе было на что поглядеть!

В этот миг раздался яростный вой свистков, отчего любые разговоры сделались невозможными. В воздухе отчетливо разлилось ощущение восторженного волнения, и Чарлз в порыве вдохновения опять сжал ее в объятиях и поцеловал, пока свистки гремели прямо у них над головой.

С помощью шести буксировочных судов громада корабля отползла от пристани и вышла в гавань, направляясь в Шербур, где предстояло взять на борт новых пассажиров, оттуда курс лежал на Квинстаун, потом в открытое море – и в Нью-Йорк. Они переживали краткие мгновения восторга, неведомого тем, кто остался на причале. Пассажиры с изумлением наблюдали, как огромный корабль легко скользит мимо американского и британского лайнеров, поставленных на прикол в гавани вследствие недавней забастовки угольщиков. Американское судно «Нью-Йорк» было пришвартовано к «Океанику» компании «Белая звезда», и оба небольших судна стояли борт к борту, значительно сужая проход, которым следовал «Титаник». Внезапно раздался громкий хлопок, похожий на ружейный выстрел, – это соскочили тросы, которые крепили «Нью-Йорк» к «Океанику», и лайнер понесло прямо на «Титаник». Еще несколько футов – и он мог врезаться ему в левый борт. Один из буксиров, который выводил корабль из порта, быстро перебросил канат на палубу «Нью-Йорка», и матросам удалось остановить дрейф корабля, избежав столкновения. «Нью-Йорк» притянули обратно, освободив проход, и «Титаник» вышел наконец из порта, взяв курс на Шербур. И все-таки им чуть не пропори бок, если бы не сноровка моряков. Пассажиры, наблюдавшие за их ловкими действиями, будто побывали на показательных выступлениях. Но никто не верил, что могло произойти что-то серьезное: «Титаник» казался всем неувязчивым и непобедимым. В длину на нем помести-

лось бы четыре городских квартала – восемьсот восемьдесят два фута, как ранее сообщил Филипп. Попробуйте маневрировать такой машиной!

– Я правильно поняла: мы висели на волоске? – спросила Эдвина, словно загипнотизированная увиденным.

– Думаю, да, – кивнул Чарлз. – Не выпить ли нам по бокалу шампанского в честь нашего счастливого спасения?

Эдвина радостно кивнула, и они направились в «уличное кафе», где через минуту их разыскал Джордж – запыхавшийся и несколько взъерошенный – и завопил прямо с «бульвара»:

– Что это ты тут делаешь, сестрица?

Вид у него был еще тот: кепка набекрень, полы рубашки наружу, одна брючина чем-то вымазана, – зато физиономия донельзя довольная.

– Могу задать тебе тот же вопрос. Мама тебя обыскалась! Бога ради, где ты был? – набросилась на него Эдвина.

– Нужно же было осмотреться. – Он посмотрел на сестру так, словно сомневался в ее умственных способностях, а потом бросил торжествующий взгляд на ее жениха. – Привет, Чарлз! Как жизнь?

– Отлично, Джордж, спасибо. А как пароход? Уцелел после твоей инспекции? Нравится тебе здесь?

– Он потрясающий! Вы знали, что тут четыре лифта, и каждый поднимается на девять этажей? Еще есть площадка для сквоша и бассейн, а еще кто-то везет в Нью-Йорк новенькую машинку, «рено», а на кухне оборудование – просто блеск! Я не смог пробраться в третий класс, хотя пытался, зато был во втором, там тоже здорово, и еще там есть потрясная девчонка!

Чарлз, казалось, от души забавлялся, но Эдвину столь бурная деятельность младшего брата привела в ужас. Ведет себя совершенно неподобающе и даже не стыдится ходить в таком виде!

– Вижу, ты разведал здесь все ходы и выходы. Отличная работа, Джордж! – похвалил мальчика Чарлз, и тот гордо улыбнулся. – А на мостике был?

– Нет, – вздохнул Джордж. – По правде говоря, не успел. Я поднимался туда, но там было столько народу, что ничего не разглядеть. Надо будет сходить еще раз. Как насчет пойти поплавать после обеда?

– Я бы с удовольствием, если у твоей сестры нет других планов...

Но Эдвина уже закипала.

– После обеда тебе полагается спать, как всем детям. Если думаешь, что можешь носиться по всему пароходу, как беспризорник, то глубоко ошибаешься. Только попробуй сбежать – я тебе задам!

– О-о, Эдвина, – застонал мальчик, – ты ничего не понимаешь! Это важно, очень важно!

– А еще важно вести себя и выглядеть прилично. Погоди, вот мама увидит, в каком ты виде...

– О чем спор? – раздался рядом голос отца, скорее веселый, чем сердитый. – Привет, Чарлз... Судя по твоему виду, Джордж, даром ты времени не терял.

Джордж при ближайшем рассмотрении оказался чумазым до корней волос, но зато никогда еще не выглядел таким счастливым и беспечным, как сейчас, когда отец смотрел на него с нескрываемым весельем.

– Это было здорово, папа!

– Не сомневаюсь.

И все бы ничего, но в этот самый момент Джордж попался на глаза матери. Кейт обрушилась на мужа с упреками:

– Бертрам! Как ты можешь позволять ему... он похож... он похож на уличного оборванца!

– Слышишь, сын? – спокойно отреагировал отец. – Мама права: самое время привести себя в порядок. Изволь пойти в каюту, умыться и переодеться во что-нибудь менее... гм... рваное, иначе твоей маме сделается дурно.

Вид у Бертрама был скорее веселый, чем недовольный, и мальчик ответил отцу улыбкой от уха до уха. Зато Кейт не видела ничего забавного, поэтому приказала сыну принять ванну и переодеться, прежде чем снова появиться на людях.

– Ну, мама... – умоляюще посмотрел на Кейт Джордж.

Напрасно: она подняла повыше свой рукав, твердо взяла сына за руку и повела в каюту, где оставила с Филиппом, который изучал список пассажиров в надежде отыскать знакомых. Разумеется, на борту были Асторы, а также мистер и миссис Исидор Штраус, владельцы всемирно известной сети универмагов. В списке было очень много известных имен, в том числе и молодых людей, но Филипп никого не знал – пока, зато заметил молодых леди, которые ему понравились. Хорошо бы познакомиться с ними!

Филипп все еще изучал список пассажиров, когда мать привела Джорджа и попросила проследить, чтобы этот свинтус отмылся, и напомнить ему о правилах приличия! Филипп обещал сделать все, что в его силах, да только Джордж уже нацелился опять сбежать. Ему хотелось побывать в котельном отделении и на мостике, потом еще раз посетить кухню – если удастся, опробовать оборудование. И оставался еще один лифт, который предстояло изучить: может, он поднимается выше или опускается ниже, чем другие?

– Жаль, что у тебя не бывает морской болезни, – скорбно сказал брату Филипп, когда Кейт вернулась на прогулочную палубу.

Супруги с удовольствием пообедали в обществе Эдвины и Чарлза, а потом отправились к остальным, которые как раз пробудились от дневного сна. Алексис уже немного освоилась на корабле и с удовольствием разглядывала пассажиров, которые болтали и прогуливались по палубе, а еще познакомилась с маленькой девочкой по имени Лорен и ее братом Тревором из Монреаля. У Лорен была такая же кукла, как у Алексис, и она звала свою «миссис Томас». Куклу Алексис получила в подарок на Рождество от тети Лиз еще в прошлом году и никогда с ней не расставалась. Вот и сейчас захватила с собой, отправляясь погулять по палубе вместе с родителями. У куклы Лорен шляпка и пальто были не такими нарядными, потому что одежду для миссис Томас сшила Эвина. А вот сапожки у кукол были одинаковые: высокие, на пуговицах.

Корабль вошел в порт Шербура вечером, когда все младшие уже отправились спать, а Джордж опять исчез. Кейт и Эвина одевались к ужину, а Чарлз, Филипп и Бертрам ждали дам в курительной.

В тот вечер ужин накрыли в большой столовой на палубе «Д». Все пассажиры были при параде: мужчины, разумеется, во фраках, а дамы – в вечерних туалетах, увешанные драгоценностями. Шею Кейт украшало изумительное ожерелье с жемчугом и бриллиантами, которое некогда принадлежало матери Бертрама. Обеденный зал, освещенный хрустальными люстрами, был великолепен: деревянная резьба, начищенная до блеска бронза, белоснежные скатерти. Три сотни пассажиров первого класса оказались словно в сказке. Оглядываясь по сторонам, Эвина сияла от счастья и улыбалась жениху.

После ужина в соседнем зале был концерт корабельного оркестра. Наконец Кейт, зевнув, призналась, что устала так, что слипаются глаза. День выдался долгим: встали с рассветом, – поэтому она была рада удалиться в свою каюту с мужем и старшим сыном. Эвина и Чарлз решили задержаться, и Кейт не возражала. А когда Филипп обнаружил, что и Джордж крепко спит, у нее на душе стало совсем спокойно.

В полдень следующего дня «Титаник» сделал последнюю остановку в порту Квинстауна, и все семейство с прогулочной палубы наблюдало, как поднимаются на борт последние пассажиры. Вдруг Уна, вцепившись в поручни, воскликнула:

– О боже, миссис Уинфилд! Там моя двоюродная сестра!

– Да как же ты смогла разглядеть ее отсюда? – с сомнением в голосе спросила Кейт. Уна была девушкой впечатлительной, к тому же природа наградила ее живым воображением. – Тебе наверняка показалось.

– Я бы узнала ее из тысячи, у нее рыжие волосы. Она старше меня на два года, и мы всегда были как родные сестры. С ней и маленькая дочка, я вижу их обеих! Миссис Уинфилд, клянусь! Она давно хотела перебраться в Штаты... – Слезы брызнули из глаз Уны. – Как я найду ее на этом громадном корабле?

– Если это действительно твоя кузина, я спрошу у эконома. Он сверится со списком пассажиров третьего класса, и если это она, найдет. Как ее зовут?

– Алиса О'Дейр. А дочку зовут Мэри. Ей сейчас пять.

Кейт задумалась. Если сестра двумя годами старше Уны, то ей двадцать... и у нее пятилетняя дочь... А вот есть ли муж? Оскорблять няню вопросами она не хотела, поэтому предположила, и не без оснований, что, скорее всего, никакого мужа там нет.

– А мне можно будет поиграть с ее дочкой? – тихо спросила Алексис.

Сегодня ей было явно лучше. После ночи в уютной постельке «Титаник» больше не казался девочке таким уж страшным, а стюарды и горничные были такие добрые, что плавание начинало ей даже нравиться. Да и Фанни думала, что это очень весело. Утром она пробралась к Эдвине в спальню и обнаружила там Алексис, а вскоре и Тедди забрался в постель к сестрам. Идиллию, как всегда, нарушил Джордж: усевшись на постели Эдвины, начал всех щекотать, смех и восторженные вопли разбудили Уну, и та примчалась посмотреть, что происходит. Увидев всех подопечных, девушка заулыбалась. Так же радостно улыбалась она, когда Кейт сообщила ей, что нашла кузину в списке пассажиров.

– Мисс Эдвина, а я не ошиблась: это и правда моя двоюродная сестра. Так я и знала! Мы не виделись четыре года, но она совсем не изменилась!

– Откуда ты знаешь? – с улыбкой спросила Эдвина.

– Одна из горничных согласилась присмотреть за детьми, пока они спали днем, а я спустилась в третий класс, чтобы ее повидать. – И добавила, будто оправдываясь: – Миссис Уинфилд знала, она и разрешила мне пойти.

– Конечно, Уна, все правильно. – Эдвине порой приходилось нелегко: не хозяйка, но уже и не ребенок. Она знала, что Уна и другие слуги считали, что она обо всем докладывает матери. – Должно быть, кузина была счастлива с тобой повидаться. – Она улыбнулась девушке, и у той отлегло от сердца.

– Она стала еще красивее, а малышка Мэри просто чудо! Когда я видела ее в последний раз, ей был всего годик: точь-в-точь Алиса, когда та была маленькой, только с рыжими, как огонь, волосами. – Уна радостно рассмеялась, а Эдвина улыбнулась, вдевая в уши бриллиантовые серьги, подаренные Кейт.

– Она в Нью-Йорк?

Юная ирландка кивнула, чувствуя себя любимицей фортуны.

– Она давно туда собиралась. У нее там тетка и двоюродные братья, но я ей посоветовала в Калифорнию. Она вроде согласилась. Я постараюсь ей помочь.

Уна выглядела такой счастливой! И хорошо, что на корабле у нее есть родственницы. Эдвина улыбнулась девушке, но тут же кое о чем вспомнила (несомненно, маме такая мысль тоже пришла бы в голову).

– Ты хорошо вымыла руки, когда вернулась?

– Конечно, – немного растерялась Уна.

Девушка поняла, что хозяева воспринимали третий класс как что-то вроде рассадника болезней: они не пошли бы туда ни за какие коврижки, но оказалось, что там совсем не страшно. Разумеется, каюта даже не напоминала ту, что выделили ей: никаких финтифлю-

шек и прочих излишеств, – но вполне приличная и чистая. Да не все ли равно? В конце концов, все они плывут в Америку. Разве не это главное?

Она скрыла обиду и, улыбнувшись, ушла в свою каюту.

А Эдвина направилась в гостиную, чтобы присоединиться к родителям и жениху. Сегодня вечером им предстоял ужин в изысканном ресторане, и она ощущала такой подъем, что хотелось поблагодарить Небеса за жизнь, которой ей посчастливилось жить, за людей, которых повезло любить, за места, в которых посчастливилось побывать. А этот прекрасный корабль, который идет в свой самый первый рейс и везет их домой, в Штаты!

Опираясь на руку Чарлза, в своем бледно-голубом атласном платье, со сверкающим на пальце кольцом она вплыла в зал. Родители мирно беседовали, Эдвина Уинфилд знала: это будет особенный вечер, прелюдия к счастливейшему времени ее жизни.

Глава 3

Дни на «Титанике» бежали один за другим, легко и радостно. Так много было дел и так мало времени! Каким удовольствием было плыть меж двух миров, на корабле, который мог предложить все, что душе угодно: от изысканных блюд до игры в сквош, плавательного бассейна и турецкой бани.

Филипп с Чарлзом с удовольствием играли в сквош и каждое утро катались на стационарных велосипедах и механических лошадях, а Эдвина опробовала новейшее изобретение – механического верблюда. Джордж предпочитал кататься на лифтах и заводить знакомства. И только за обедом семейство собиралось в полном составе. А после обеда, отправив младших с Уной, чтобы уложила их спать, Кейт и Бертрам долго гуляли по палубе и разговаривали обо всем на свете – давно им не выпадало время для столь душевных бесед! Но дни летели быстро – слишком быстро, хотя об этом они еще не догадывались.

По вечерам Уинфилды ужинали в главном обеденном зале или более изысканном ресторане, где на второй день плавания капитан Смит представил их чете Астор. Миссис Астор сделала комплимент Уинфилдам за то, что у них такие прекрасные дети, и Кейт вскоре догадалась, что она ждет ребенка. Она казалась значительно моложе супруга, но они выглядели влюбленной парой. Когда бы Кейт ни встречала их, они всегда либо тихо переговаривались, держась за руки, либо целовались. Чета Штраус ей тоже очень понравилась. Подумать только – столько лет в браке, но по-прежнему в любви и согласии! Поговорив с миссис Штраус всего пару раз, Кейт обнаружила у дамы замечательное чувство юмора.

Всего первым классом ехали триста двадцать пять пассажиров. Среди них было немало людей интересных, знаменитых, но Кейт была особенно рада знакомству с Хелен Черчилль Канди, писательницей. Казалось, ее интересовало всё вокруг, а все вокруг в свою очередь интересовались ею. Кейт частенько замечала, что очаровательную миссис Канди окружают джентльмены, причем были среди них и записные красавцы (исключение составлял ее муж).

– Видишь, что ты потеряла, связав жизнь со мной, – поддразнивал жену Берт, когда они проходили мимо шезлонга миссис Канди, который окружали мужчины и, затаив дыхание, ловили каждое ее слово.

Кейт Уинфилд никогда не мечтала ни о чем подобном. Жить так, как миссис Канди? Эта мысль вызвала лишь улыбку. Она была довольна своей жизнью, любила детей и мужа.

– Боюсь, дорогой, роковая женщина из меня бы не получилась!

– Почему же? – Он сделал обиженное лицо, словно жена подвергала сомнению его вкус. – Ты очень красивая!

Она поцеловала его в шею и вдруг лукаво усмехнулась, качая головой.

– Да я, наверное, бегала бы за ними с носовым платком и вытирала носы. Думаю, мне на роду было написано стать многодетной матерью.

– Какая потеря для общества! Ты бы, как блистательная миссис Канди, могла положить всю Европу к своим ногам!

– Лучше уж я буду с тобой, Бертрам Уинфилд. Старый чемодан без ручки нести хоть и тяжело, а выбросить жалко.

Они расхохотались, потом Бертрам сказал:

– Знаешь, старушка, я польщен.

Просто они любили друг друга и столько пережили вместе: радости и печали, – и было у них одно счастье на двоих. Жизнь была хороша, и они были не только любовниками, но и добрыми друзьями.

– Надеюсь, Эдвина и Чарлз будут так же счастливы, – сказала она тихо и совершенно серьезно.

– И я тоже. – Бертрам заключил жену в объятия и поцеловал. – Я хочу, чтобы ты знала: я безумно тебя люблю.

Он был так серьезен, что Кейт встревожилась.

– Все хорошо, дорогой?

Берт кивнул.

– Да... Но иногда не вредно произнести вслух то, о чем думаешь.

Рука об руку они пошли дальше. Был вечер воскресенья, а утром они присутствовали на молебне, который возглавлял капитан Смит, и читали молитву «За тех, кто в море». Было тихо, но так сильно похолодало, что на палубе никого не было, все попрятались по каютам. По пути к себе супруги заглянули в спортивный зал, увидели миссис Канди с молодым Хью Вулнером, но не стали им мешать, а решили выпить чаю в салоне. Было слишком холодно, чтобы оставаться на палубе. За угловым столиком сидели супруги Астор, а в противоположном конце зала Джордж, за которого цеплялась Алексис. Их дети тоже пили чай в обществе двух пожилых дам.

– Ты только посмотри на него! – ухмыльнулся Берт. – Одному богу ведомо, что станет творить этот парень, когда вырастет. Как представлю, так вздрогну.

Оставив Кейт за столиком, Берт пошел представиться дамам, которые развлекали его детей, и увести негодников к матери.

– Господи, что вы тут делаете? – поинтересовался Берт, пока вел их к своему столику, и удивленно взглянул на Алексис, которая несколько не стеснялась двух незнакомок, что для малышки было большой редкостью. – И где Уна?

Джордж охотно пустился в объяснения:

– Она оставила мелких с какой-то служанкой, а сама пошла навестить кухню на нижней палубе. Я сказал, что отведу Алексис к вам, и она мне поверила!

– Джордж показал мне спортивный зал, – гордо объявила Алексис, – и бассейн, а еще мы покатались на всех лифтах, вверх и вниз. А потом он сказал, что нужно найти, кто бы угостил нас пирожными, и нашел. Я им сказала, что завтра у меня день рождения. Они были очень добры, – закончила девочка с невозмутимым выражением ангельского личика, явно довольная.

Это было правдой. Днем раньше Кейт заказала для нее огромный торт, и Шарль Жуэн, главный кондитер, обещал полить его белой глазурью и украсить розочками. Вот будет сюрприз для Алексис!

– Что ж, я рад – вы отлично повеселились. – Дети ужасно забавляли Берта, и даже Кейт смеялась, когда Алексис описывала свои приключения. – Но в следующий раз лучше уж идите с нами, вместо того чтобы напрашиваться на пирожные к посторонним. – Берт улыбнулся детям, а Кейт обняла малышку и нежно поцеловала ее в щечку.

Алексис обожала вот так сидеть рядом с мамой, вдыхать аромат ее духов, и чтобы мамины волосы щекотали ее, когда поворачивала голову. Их связывали незримые нити, но это не означало, что других детей Кейт любила меньше. Просто Алексис была особенной и нуждалась в ней так, как ни один из них. Они словно были двумя половинками одного целого, и, возможно, так будет всю жизнь. Иногда Кейт мечтала, чтобы девочка всегда оставалась при ней, особенно, когда Эдвина уедет в Англию.

Через несколько минут в салон вошли Эдвина и Чарльз, которые тоже были на прогулке, и замахали руками, увидев Кейт и Бертрама. Эдвина растирала озябшие руки.

– Ну и холодина, да, мам? – с улыбкой сказала девушка.

Теперь она все время улыбалась, и Кейт подумала, что ее дочь очень счастлива, как она сама и сейчас, и когда выходила за Берта. Молодые люди были словно созданы друг для друга – так сказала даже миссис Штраус, наблюдая за влюбленными. «Какая прекрасная пара! – заметила она Кейт. – Пусть они будут счастливы!»

– Хотела бы я знать, отчего так холодно, – пожаловалась Эдвина, когда они заказывали чай и тосты с маслом. – Гораздо холоднее, чем утром.

– Мы идем на север. Возможно, ближе к вечеру даже увидим льдины, а то и айсберги, если выглянем за борт, – ответил отец.

– Это опасно? – встревожилась Эдвина, когда принесли их заказ, но отец ободряюще покачал головой.

– Для такого корабля, как наш, нет. Ты же слышала, что говорили про «Титаник». Чтобы потопить такой пароход, нужно очень постараться. Кроме того, я уверен, при малейшей опасности капитан будет начеку.

«Титаник» шел со скоростью двадцать три узла, хотя уже получил от других кораблей: «Карония», «Балтика» и «Америка» – предупреждения об айсбергах. Капитан, бдительно следивший за обстановкой на море, не считал нужным снизить скорость. Это был один из самых опытных капитанов компании «Белая звезда», но после этого исключительно престижного рейса собирался выйти в отставку.

Находившийся также на борту Брюс Исмей, глава «Белой звезды», тоже видел одно из предупреждений, но, обсудив ситуацию с капитаном, он не придал ему значения и просто сунул в карман.

Вечером Кейт сама уложила детей, отпустив Уну повидаться с кухней. Корабельная горничная предлагала свою помощь, но Кейт отказалась. Она бы с радостью и всегда сама ухаживала за детьми, но, увы, не справлялась. Поскольку заметно похолодало, она достала запасные одеяла и как следует укутала детей, чтобы не замерзли.

Когда они вышли к ужину в ресторане, холод сделался и вовсе нестерпимым. По пути в ресторан предметом обсуждения стал Филипп, явно заинтересовавшийся одной девушкой, очень хорошенькой. Уже несколько дней он смотрел на нее с верхней палубы. Незнакомка ехала вторым классом, и познакомиться с ней у Филиппа не было ни малейшей возможности. Несколько раз она бросала на него застенчивые взгляды снизу вверх, и Филипп как заведенный каждый день возвращался на то место, откуда мог ее видеть. Кейт, наконец, забеспокоилась, что он простудится на промозглом ветру, но у девушки – или у ее родителей – здравого смысла оказалось побольше, потому что сегодня ее не было видно. Филипп тосковал весь день, и до того себя довел, что у него напрочь пропал аппетит и на ужин он не пошел.

– Бедняжка, – сочувственно сказала матери Эдвина, когда они занимали места за столом.

Бертрам тем временем перекинулся парой слов с мистером Гугенхаймом, потом на минуту остановился, чтобы сказать что-то мистеру Стеду, известному журналисту и писателю (несколько лет назад в Сан-Франциско он написал несколько статей для его газеты), наконец присоединился к семье.

– Дорогой, с кем это ты разговаривал? – полюбопытствовала Кейт. Она узнала Стеду, но второй мужчина был незнаком.

– Это Бенджамин Гугенхайм. Я познакомился с ним в Нью-Йорке много лет назад, – объяснил Берт довольно сухо, и проницательная Кейт заподозрила, что это из-за спутницы Гугенхайма. Что-то подсказывало ей, что эта роскошная блондинка ему не жена, но когда спросила мужа об этом, тот был краток:

– Думаю, что нет.

Не желая больше говорить на эту тему, Берт повернулся к Чарльзу и справился насчет пройденного за день пути. У них это было что-то вроде игры: делались ставки, и чей ответ будет ближе к правильному, тот выигрывал некую сумму.

Этот рейс предоставил им отличную возможность узнать друг друга получше. Пока что Берту и Кейт очень нравился жених дочери, и они надеялись, что Чарльз и Эдвина будут счастливы вместе.

– Не рискнет ли кто-нибудь прогуляться? – предложил Берт с усмешкой после вечернего концерта, хоть и знал, что снаружи арктический мороз.

Кейт поежилась, хоть и была закутана в меха.

– Сегодня невероятно холодно!

Ночь была прозрачной как хрусталь, и только звезды сверкали как алмазы. И никто не догадывался, что во время ужина пришли радиogramмы еще с двух кораблей: по пути следования судна были обнаружены айсберги, – но те, кто принимал решения, были уверены, что «Титанику» ничто не угрожает.

В десять тридцать все спустились на палубу «В». Супруги Уинфилд тихо беседовали и готовились ко сну, а Эдвина и Чарлз устроились с бокалами шампанского в общей гостиной.

В одиннадцать часов, когда Кейт и Бертрам улеглись в кровати и погасили свет, находившийся поблизости от «Титаника» «Калифорниец» радировал: «Айсберги!» – но радист Филлипс непрерывно передавал личные сообщения пассажиров на ретранслятор в Кейп-Рейс на острове Ньюфаундленд, поэтому осадил коллегу, чтобы тот не мешал. Пассажиры завалили беднягу сообщениями, которые следовало поскорее передать, и не до айсбергов было. Предупредить капитана о полученном сообщении на сей раз он и вовсе не считал нужным, потому что тот видел тревожные радиogramмы, приходившие раньше, но не придавал им особого значения. В результате «Калифорниец» отключился и не передал координаты последнего айсберга. Филлипс продолжал слать радиogramмы на станцию в Кейп-Рейс, Кейт и Бертрам успели задремать, дети давно смотрели сладкие сны в своих каютах, а Эдвина и Чарлз сидели в обнимку и строили планы на будущее.

Время близилось к полуночи, когда корабль вздрогнул, раздался глухой удар, как будто они наскочили на препятствие, но резкого толчка не было, ничего не упало, никто не закричал. Молодые люди переглянулись, но не придали этим звукам значения и продолжили беседовать как ни в чем ни бывало. Если что-то и произошло, то это сущий пустяк. Прошло несколько минут, и Эдвина вдруг заметила, что стало слишком тихо: ни обычного гудения, ни вибрации. Судно остановилось. Тут забеспокоился и Чарлз.

– Думаешь, что-то случилось? – Эдвина испугалась не на шутку.

Чарлз выглянул в окно, выходящее на правый борт, но ничего не увидел.

– Не думаю. Ты же слышала, что говорил вчера твой отец: судно не может затонуть. Наверное, просто остановили машину: меняют курс или что-то перенастраивают. Уверен, это пустяки. – И все-таки, нежно поцеловав ее в губы, он схватил пальто. – Пойду посмотрю, что там, и вернусь через минуту.

– Я с тобой.

– Эдвина, там жуткий холод. Оставайся здесь.

– Ерунда. В доме дяди Руперта бывало и похолоднее – особенно во время завтрака.

Чарлз улыбнулся, помогая ей надеть шубку Кейт, совершенно уверенный, что ничего страшного не произошло. А если что не так, сейчас все отремонтируют, и они продолжат путь как ни в чем ни бывало.

В коридоре они встретили других любопытствующих пассажиров. Одни были в пижамах и накинутых сверху шубах, другие все еще во фраках и вечерних платьях, а кто-то и вовсе вышел из каюты в халате с голыми ногами. Похоже, многие, в том числе и Джон Астор, почувствовали неладное и захотели выяснить, что случилось, но, совершив обход палубы, не узнали ничего нового: корабль остановился, три из четырех огромных труб выбрасывали в ночное небо облака дыма. Видимых признаков опасности нет. И от них ничего не скрывали: стюард между делом сказал, что они «столкнулись с ледышкой», но беспокоиться не о чем. Мистер Астор вернулся к супруге, Чарлз и Эдвина тоже ушли с палубы и спрятались от холода, после того как их еще раз заверили, что опасности нет. Если угодно, могут сами посмотреть: в тре-

тый класс залетели осколки льда, и люди на кормовой палубе смотрят, как внизу пассажиры третьего класса со смехом бросаются снежками и кусочками льда.

Эта забава Чарлза и Эдвину не прельстила. Решив, что ничего серьезного не произошло, молодые люди решили вернуться в каюту, но когда добрались до гостиной, увидели Бертрама, лицо у него было встревоженным.

– Что-то случилось? – Бертрам говорил шепотом, чтобы не разбудить Кейт. Его встревожило отсутствие шума моторов.

– Говорят, ничего страшного. – Чарлз сбросил на стул пальто, а Эдвина – мамину шубку. – Похоже, мы наскочили на глыбу льда, но это никого особо не волнует. Команда беспокойства не проявляет, а с палубы ничего не видно.

Вид у Чарлза был вполне беззаботный, и Бертрам вздохнул с облегчением. Если подумать – не стоило беспокоиться, но ведь у него семья, и немалая, так что надо было убедиться, что все в порядке.

Пожелав молодым людям спокойной ночи, он попросил Эдвину не засиживаться допоздна и отправился в каюту. Было три минуты первого, как раз то самое время, когда далеко внизу уже шла яростная борьба с огнем, который бушевал в трюме «Титаника». В почтовый отсек уже хлынула вода. Судно действительно налетело на айсберг, и пять так называемых водонепроницаемых отсеков уже заполнила вода – через пробоину в корпусе. На мостике капитан Смит, директор компании «Белая звезда» Брюс Исмей и конструктор судна Томас Эндрюс, не веря собственным глазам, пытались оценить опасность положения.

Выводы, к которым пришел Эндрюс, были неутешительны. С пятью затопленными отсеками «Титанику» на поверхности долго не удержаться. Непотопляемый корабль уже шел ко дну. Вероятно, можно было удерживать его на плаву некоторое время, но надолго ли? Бертраму, который как раз собрался лечь в постель, показалось, что пол под ногами слегка накренился, но он решил, что ошибся.

Пять минут первого по настоянию Томаса Эндрюса капитан собрал на мостике офицеров и приказал расчехлять спасательные шлюпки. К таким мероприятиям готов никто не был, инструктаж не проводился, шлюпки не готовились, сигналы тревоги не предусматривались, ведь «Титаник» не мог затонуть, «Титаник» был безопасен. Стюардам первого класса пришлось стучать в двери, но Бертрам уже был на ногах, поскольку услышал голоса в тот же момент, когда Чарлз открыл дверь в гостиной, хотя слов не разобрал. Зато теперь все стало ясно. Стюард улыбался и что-то втолковывал: мягко, словно говорил с детьми, которых боялся напугать, – но тем не менее требовательно.

– Быстро на палубу! Всем надеть спасательные жилеты!

Не было ни звона колокола, ни воя сирены, ни всеобщей тревоги, напротив: установилась зловещая тишина. И взгляд стюарда был красноречивее слов: положение серьезное. Эдвина почувствовала себя в полной боевой готовности. Так бывало с ней всегда, если кому-то из детей было плохо и требовалась помощь. Надо помочь маме управиться с младшими.

– У меня есть время, чтобы переодеться? – спросила она у стюарда, прежде чем он двинулся к следующей каюте.

Тот покачал головой и бросил через плечо:

– Не думаю. Оставайтесь в чем есть, только наденьте спасательный жилет: простая предосторожность, но все же поспешите наверх.

Стюард ушел, и Эдвина обернулась к Чарлзу. Тот подошел к ней, и сжал ее руку. Берт же поспешил будить Кейт и детей.

– Я помогу, – вызвался Чарлз и побежал в каюту к Филиппу и Джорджу.

Достав для них спасательные жилеты и стараясь в то же время не слишком напугать, он велел им поторапливаться. Задача непростая, но Джорджу все происходящее показалось

забавой. Бедный Филипп был сам не свой, когда натягивал спасательный жилет поверх одежды. Чарлз показал, как с ним обращаться.

Эдвина первым делом разбудила Алексис: осторожно потрясла, потом нежно поцеловала, – схватила на руки Фанни и разбудила, наконец, Уну. Та лишь таращила спросонья глаза, пока Эдвина пыталась ей втолковать, что происходит, да так, чтобы не перепугать детей.

– Где мама? – заплакала охваченная ужасом Алексис, пытаясь спрятаться под одеялом, пока Эдвина занималась Тедди.

В этот момент из своей каюты выбежала Кейт, на ходу набрасывая халат поверх ночной сорочки, и Алексис тут же бросилась в объятия матери.

– Что с судном? – Кейт в смятении посмотрела на мужа, потом на дочь и Чарлза. – Нам что-то угрожает?

– Точно неизвестно, – ответил Бертрам. – Знаю только, что мы налетели на айсберг, но говорят, опасности вроде бы нет – по крайней мере, полчаса назад так сказали Чарлзу. А сейчас требуют, чтобы мы все вышли на палубу, в спасательных жилетах, к спасательным шлюпкам.

– Ясно. – Кейт обвела взглядом каюту, увидела на ногах Эдвины невесомые серебряные открытые туфельки на изящных каблукках. Хватит и пяти минут на палубе, чтобы ее ноги превратились в ледышки. – Эдвина, немедленно переобуйся. Уна, возьми пальто и надень спасательные жилеты на Фанни и Тедди.

На помощь ей уже пришел Чарлз. Бертрам тоже поспешил в каюту надеть брюки и носки и сменить комнатные туфли на ботинки. Надел он и свитер, который еще не успел поносить, пальто и сверху спасательный жилет, а также прихватил теплое шерстяное платье для жены, которая в этот момент одевала Алексис. В этот момент Бертрам почувствовал, что пол под ногами кренится, и ему впервые стало по-настоящему страшно, хоть виду подавать нельзя.

– Дети, живо идем со мной! – напустив на себя вид строгого папаши, скомандовал Берт, стараясь держаться с уверенностью, которой не было.

Филипп и Джордж уже были наготове, Эдвина успела надеть уличные ботинки и пальто поверх вечернего платья. С помощью Чарлза девушка собрала малышей и надела на них спасательные жилеты. Только Уна бегала босая, в ночной рубашке. Кейт, натянув теплое дорожное платье поверх ночной сорочки, сунула ноги в прогулочные туфли и набросила шубку.

– Оденешься ты наконец? – прошипела Эдвина Уне, чтобы не пугать детей. Как еще внушить бестолковой девице, что положение серьезное?

– О-о, а как же Алиса? Я должна бежать к своей кухне и малышке Мэри...

Уна носилась по каюте, заламывая руки и едва не рыдая.

– Ты никуда не пойдешь, Уна Райан, а оденешься и отправишься с нами на палубу, – отрезала Кейт, сжимая руку Алексис.

Девочка была напугана до смерти, но хотя бы не вырывалась: ведь с ней мама и папа, а значит ничего не случится. Все были готовы, кроме Уны, на которую вдруг напал панический ужас, и она не решалась идти с ними, без конца повторяя:

– Я не умею плавать... я не умею плавать!

– Не говори глупости! – Кейт схватила девушку за руку, взглядом давая понять Эдвине, чтобы выводила детей. – Уна, тебе не придется плыть. Просто пойдем с нами. Сейчас мы поднимемся на палубу, но сначала тебе нужно одеться, там холодно. – Кейт набросила на голову Уне свое шерстяное платье и, опустившись на колени, помогла надеть ботинки. Когда девушка, не снимая ночной рубашки, втиснулась в платье, Кейт накинула ей на плечи пальто, схватила спасательный жилет, и в следующую минуту они уже бежали вслед за остальными. В коридорах уже было не протолкнуться: люди, одетые кое-как, со спасательными жилетами и встревоженными лицами, стремились на палубу. Некоторые, правда, смеялись и шутили, что все это глупо...

Было уже пятнадцать минут первого, и радист Филлипс как раз отправлял первый сигнал бедствия, а уровень воды под палубами поднимался выше и гораздо быстрее, чем ожидал капитан Смит. Подумать только: с айсбергом они столкнулись всего полчаса назад, а зал для игры в сквош уже был затоплен по самый потолок. Фред Райт, профессиональный игрок, никому ничего не сказал об этом, поэтому никто и не волновался.

– Наверное, надо было взять с собой мои драгоценности, – вдруг сказала Кейт с тревогой, почему-то впервые вспомнив о них. На ней было только обручальное кольцо, и лишь оно было ей по-настоящему дорого.

– Не думай ты о них. – Берт улыбнулся и стиснул руку жены. – Я куплю тебе новых побрякушек, если эти... затеряются.

Он не хотел произносить слово «пропадут» из страха перед тем, что оно подразумевало. Внезапно его охватил ужас. Что будет с женой и детьми?

Все вместе они шли на шлюпочную палубу. Проходя мимо спортивного зала, Берт заглянул в окно. Джон Астор и леди Маделейн сидели на механических лошадях, спрятавшись от холода, и дрожали от страха. На обоих были спасательные жилеты, и третий жилет лежал у Джона на коленях. Что-то рассказывая жене, он поигрывал перочинным ножом.

Уинфилды вышли на палубу к левому борту. Матросы как раз заканчивали расчехлять восемь деревянных шлюпок, когда грянул оркестр. Еще восемь закрытых чехлами шлюпок было закреплено по правому борту: четыре на корме, четыре на носу. Было еще четыре складных шлюпки из брезента. Не очень-то обнадеживающе. Наблюдая, как матросы готовят шлюпки, Бертрам слышал, как колотится его сердце. Он крепко держал руку жены, а та изо всех сил прижимала к себе Фанни. Алексис сама вцепилась в мать мертвой хваткой. Филипп нес на руках малыша Тедди. Они стояли тесной группой, не в силах поверить, что на этом огромном непотопляемом корабле действительно готовят спасательные шлюпки, а они стоят на палубе морозной ночью и ждут посадки! В толпе раздавались приглушенные возгласы, и через минуту Кейт заметила, что Филипп разговаривает с мальчиком, с которым познакомился еще в первый день. Звали его Джек Тейер, он был из Филадельфии. В этот вечер его родители присутствовали на званом обеде, который давали миллионеры Уиденеры, тоже из Филадельфии, в честь капитана, но Джек с ними не пошел. Переговорив с Филиппом, Джек отошел к другой группе, продолжая высматривать родителей. Кейт заметила семью Аллисон из Монреаля: малышка Лорен цеплялась за руку матери, крепко прижимая к себе любимую куклу, – которая пятилась под натиском толпы. Миссис Аллисон крепко держала локоть мужа, няня на руках – малыша, завернутого в одеяло, чтобы уберечь от морозного дыхания Северной Атлантики.

Лайтоллер, второй помощник капитана, руководил посадкой в шлюпки по левому борту посреди некоторой сумятицы. Инструктаж не проводился ни разу, и никто за исключением экипажа не знал номера своей шлюпки. Да и члены команды, похоже, не совсем понимали, где им следует находиться и что делать. Матросы наугад расчехляли то одну, то другую шлюпку, бросали в них фонари и жестяные коробки с печеньем, но глазевшие на это пассажиры с опаской попятились, когда они перешли к шлюпочным кранам и начали крутить рукоятки, чтобы поднять шлюпки и опустить туда, где особо нерешительные могли бы в них безопасно сесть. Оркестр играл регтайм, и Алексис заплакала, но Кейт, крепко удерживая ее за руку, нагнулась и попыталась объяснить, что в этот самый момент как раз и наступил ее день рождения, а, когда станет светло, будут и подарки, а может, даже торт.

– И потом, когда все закончится, и мы благополучно вернемся на корабль, у тебя будет чудесный праздник!

Прижав к бедру Фанни, Кейт привлекла к себе Алексис и бросила взгляд на мужа. Берт устремил взор в толпу, пытаясь расслышать, о чем говорят. Может, кто-нибудь из пассажиров более осведомлен? Но никто, похоже, ничего не знал, кроме того, что всем предстоит

сесть в шлюпки; женщины и дети в первую очередь. В этот миг оркестр заиграл громче, и Кейт улыбнулась, пытаясь не выказывать страха, который вгрызлся в нее при одном взгляде на спасательную шлюпку.

– Все в порядке, иначе оркестр не играл бы такую веселую музыку, не правда ли?

Кейт переглянулась с мужем и поняла, что ему тоже страшно. Но что они могли сказать друг другу сейчас, когда рядом дети? А события разворачивались слишком быстро...

Эдвина с Чарлзом крепко держались за руки, и он разговаривал с какими-то молодыми людьми. Она забыла взять перчатки, и он пытался согреть ее ледяные пальцы. «Женщины и дети», – раздался крик, и толпа в испуге попятилась, когда второй помощник капитана Лайтоллер велел им выходить вперед, да побыстрее. Никто не хотел верить в неминуемую опасность. Женщины колебались, и тогда за дело взялись их мужья: вывели своих жен с детьми вперед и помогли сесть в шлюпку. Женщины не хотели разлучаться с мужьями, принялись умолять оставить их на борту, полились слезы.

– Дамы, не устраивайте истерик, – крикнул кто-то из мужчин. – Мы все вернемся на корабль и успеем к завтраку. Не знаю, что там за беда, но к тому времени они во всем разберутся. Зато какое потрясающее приключение!

Голос был такой жизнерадостный, что в толпе засмеялись. Еще несколько женщин робко выступили вперед. Некоторые были с горничными, но мужьям было строго велено держаться позади. В шлюпки сажали только женщин и детей. Лайтоллер не потерпел бы даже мысли, чтобы пустить в шлюпку мужчин, хотя женщины уверяли, что их мужья могли бы грести... Лайтоллер был глух: «Только женщины и дети!» Он твердил это снова и снова, и Уна, бросив взгляд на Кейт, вдруг разрыдалась.

– Я не могу, мэм, не могу... я не умею плавать... Алиса и Мэри...

Она начала пятиться к толпе, и Кейт поняла, что девушка сейчас бросится прочь. На минуту выпустив руку Алексис, она подошла к няне, чтобы попытаться ее успокоить, но Уна, пронзительно вскрикнув, вдруг рванула с места и со всех ног помчалась в недра корабля, к двери в третий класс, где оставалась ее кухня с маленькой дочерью.

– Мне пойти за ней? – Филипп с тревогой взглянул на мать, когда она вернулась к детям.

Кейт бросила взволнованный взгляд на Бертрама. Малышка Фанни уже вовсю хныкала, Эдвина держала на руках крошку Тедди. Муж был против. Если Уна настолько глупа, что сбегала, пусть садится в другую шлюпку и позже сама их разыщет. Нельзя, чтобы кто-нибудь из семьи потерялся; им необходимо держаться вместе.

Кейт в нерешительности обернулась к мужу.

– Нельзя ли подождать? Я не хочу бросать тебя здесь. Может, дадут отбой, и тогда нам не придется мучить детей понапрасну. – Внезапно палуба резко накренилась, и Бертрам понял, что это уже не шутки: положение становилось серьезным, и любое промедление могло оказаться фатальным.

Но вот чего не знал он, чего не знал никто: на капитанском мостике Томас Андерс уже предупредил капитана Смита, что меньше чем через час судно уйдет под воду и что шлюпок у них едва хватит на половину пассажиров. Очень надеялись связаться с «Карпатией», которая находилась всего в десяти милях, но разбудить их не удавалось, несмотря на отчаянные попытки радиста.

– Кейт, я хочу, чтобы ты села в шлюпку, – тихо, но веско произнес Берт.

Жена заглянула ему в глаза и ужаснулась тому, что увидела. Он встревожен, и ему страшно – как никогда в жизни. Она инстинктивно обернулась к Алексис, которая была рядом всего минуту назад, но почему-то больше не цеплялась за юбки матери. Ведь Кейт, когда она побежала за Уной, пришлось отпустить руку дочери. А теперь Алексис пропала! Кейт вертела головой по сторонам, пытаясь разглядеть дочь в толпе. Может, Алексис с Эдвиной? Но дочь стояла с Чарлзом, рядом с ними – Джордж, усталый, продрогший и притихший, совсем

не такой, каким был всего полчаса назад. Лишь когда в ночное небо взвились сигнальные ракеты, озарив все вокруг, мальчик заметно воспрял духом.

– Берт, что все это значит? – шепотом спросила Кейт, растерянно глядя по сторонам в надежде увидеть Алексис. Может, она увидела ту девочку Лорен?

– Это значит, Кейт, что положение очень серьезное, – объяснил Берт. – Вы с детьми должны как можно скорее покинуть судно.

Он крепко стиснул ее руку. В глазах его стояли слезы.

– Не знаю, куда подевалась Алексис, – воскликнула Кейт, от страха едва не срываясь на крик. Берт оглядел толпу с высоты своего роста, но дочери не увидел. – Наверное, спряталась. Я держала ее за руку, а потом побежала за Уной... – Слезы брызнули из ее глаз. – Господи, Берт... где она? Куда она могла подеваться?

– Не волнуйся, я ее найду. А ты оставайся здесь, с остальными. – Берт начал пробиваться сквозь толпу. Он подходил к каждой группе, заглядывая в каждый уголок, бегал от одной семьи к другой, но Алексис нигде не было. Тогда он поспешил назад, к Кейт. Прижимая к груди малыша, она в то же время пыталась не терять из виду Джорджа. Полные отчаяния глаза с немым вопросом встретили взгляд мужа, но он покачал головой, и вид у него был печальный и растерянный.

– Пока нет, далеко уйти она не могла: ведь обычно не отходит от тебя ни на шаг.

– Она потерялась! – Кейт едва не рыдала. Ну надо же было такому случиться именно в тот момент, когда пассажиры «Титаника» садились в шлюпки!

– Должно быть, она где-то прячется. – Берт страдальчески нахмурился. – Ты же знаешь, как она боится воды.

Как она боялась подниматься на корабль! А Кейт еще уговаривала ее, что ничего плохого случиться просто не может! Но вот случилось же, а теперь Алексис исчезла, а Лайтоллер вызывал следующую группу женщин и детей, а оркестр продолжал греметь...

– Кейт... – Но он уже знал, что жена не уйдет без Алексис, если вообще уйдет.

– Я не могу... – Кейт озиралась по сторонам. Вспышки ракет над головой сопровождались грохотом, и это было похоже на канонаду.

– Тогда отправляй Эдвину. – На лице Берта выступили капли пота. Подобного кошмара он не мог даже вообразить! Палуба у них под ногами кренилась все сильнее, и он понимал – непотопляемый корабль идет ко дну, причем с невероятной скоростью. Он осторожно взял из рук жены малыша Тедди, лихорадочно целуя кудряшки, выбившиеся на лоб из-под шерстяной шапочки, которую Уна надела ему еще в каюте. – Эдвина может взять с собой младших, а ты сядешь в следующую шлюпку вместе с Алексис.

– А ты? – Лицо Кейт было мертвенно-бледным, в белом свете разрывающихся петард. Оркестр заиграл вальс. – А Джордж и Филипп? А... Чарлз?

– Мужчин пока не пропускают, – ответил Берт. – Ты же слышала, что сказал тот человек: сначала женщины и дети. Филипп, Джордж и мы с Чарлзом присоединимся к вам позже.

Рядом с ними мужчины махали женам, пока шлюпка медленно заполнялась. Было уже пять минут второго, и ночной воздух становился все холоднее. Женщины умоляли Лайтоллера позволить мужьям отправиться вместе с ними, но второй помощник был глух. С грозным видом он решительно взмахнул рукой, заставляя мужчин отойти.

Кейт бросилась к Эдвине и передала ей слова Бертрама.

– Папа хочет, чтобы ты села в шлюпку и взяла с собой малышей... и... Джорджа, – выпалила вдруг она.

По крайней мере пусть попытается. В конце концов, Джорджу всего двенадцать – он еще ребенок, – и Кейт была решительно настроена отправить его с Эдвиной.

– А ты? – Она взглянула на мать и почувствовала страх. Какой ужас – оставить на корабле почти всю семью!

– Я сяду в следующую шлюпку вместе с Алексис, – спокойно ответила Кейт. – Она наверняка где-то здесь, просто боится выйти, потому что не хочет в шлюпку. – Кейт совсем не была уверена в собственных словах, но не хотела пугать дочь. Пусть садится в шлюпку с малышами. Теперь, когда Уна сбежала, они остались без помощницы. Интересно, а как там, в третьем классе? – Тебе поможет Джордж, пока мы с папой вас не разыщем.

Джордж услышал эти слова и разочарованно взвыл. Он-то надеялся остаться с мужчинами и посмотреть, чем кончится дело, но Кейт была непреклонна.

– Ты так и не нашел ее? – спросила она мужа, нервно озираясь по сторонам. Дочери нигде не было. Теперь Кейт рвалась поскорее посадить в шлюпку остальных детей. Тогда она сможет заняться поисками Алексис вместе с мужем. Лайтоллер спустил шлюпку номер восемь, женщины были там, но места еще оставались и можно было забрать и мужчин, только перечить решительному молодому помощнику капитана никто не осмеливался. Прошел слух, что против нарушителей применят оружие, так что желающих бросить вызов Лайтоллеру не нашлось.

– Еще четверо! – крикнул ему Берт.

Эдвина в отчаянии взглянула на родителей, потом на Чарлза, тот ответил ей взглядом, исполненным страдания.

– Но... – Ей не хватило времени договорить, потому что отец подтолкнул ее к шлюпке номер восемь с малышом Тедди на руках, Фанни и Джорджем. – Мама, неужели мне нельзя подождать тебя?

Слезы брызнули из глаз Эдвины. На миг она сама превратилась в маленькую девочку. Кейт обняла ее и заглянула в глаза, опять заплакал Тедди и потянулся к матери пухлыми ручонками.

– Нет, малыш, поезжай с Эдвиной... Мама любит тебя, – увещевала Кейт, прикасаясь лбом к лобу сына. Потом, обхватив ладонями лицо старшей дочери, с нежностью посмотрела на нее. В глазах ее стояли слезы – не страха, но печали. – Я буду с тобой каждую минуту. Я люблю тебя, доченька, люблю всем сердцем! И, что бы ни случилось, береги их! Береги себя, и мы очень скоро увидимся!

У Эдвины мелькнула мысль – а верит ли мама в то, что говорит? Она вдруг поняла, что не хочет ехать без нее.

– Мама... нет...

Эдвина, с маленьким Тедди на руках, цеплялась за мать и вскоре рыдала уже вместе с братом. Сильные мужские руки подхватили ее, Джорджа и Фанни. Отчаянный взгляд Эдвины метался между матерью, отцом и Чарлзом. Она не смогла даже попрощаться с женихом, просто крикнула: «Я люблю тебя!» – а он послал ей воздушный поцелуй, взмахнул рукой, и ей в лицо вдруг полетели его перчатки. Эдвина поймала их, уже садясь в шлюпку, ни на миг не отрывая от него глаз. Чарлз тоже смотрел на нее так, будто знал: этот взгляд последний.

– Держись, девочка! Через пару минут мы будем вместе! – крикнул он, когда шлюпку начали опускать за борт и Эдвина уже едва могла его видеть.

Слезы застилали ей глаза, и больше она ничего не видела. Кейт слышала, как плачет в шлюпке Тедди. Помахав ей на прощание, она пыталась унять собственные слезы и крепко прижалась к плечу мужа. Лайтоллер пытался возразить, когда они сажали в шлюпку Джорджа, но Берт поспешил солгать, будто мальчику нет и двенадцати, и дожидаться ответа Лайтоллера не стал. Сам Джордж умолял, чтобы его оставили с отцом и Филиппом, но Берт решил, что Эдвине понадобится помощь – у нее на руках двое младшеньких.

– Дети, я вас люблю, – прошептал Берт, провожая их взглядом, а когда шлюпка коснулась воды, прокричал свои последние слова: – Мы с мамой скоро будем с вами! – И отвернулся, чтобы они не увидели его слез.

Когда шлюпку спускали на воду, Кейт застонала, как раненое животное, и, стиснув руку мужа, осмелилась, наконец, посмотреть вниз. Эдвина все так же держала на руках Тедди, сжи-

мая ручку Фанни, а Джордж смотрел вверх, на них. Лодка со скрипом медленно опускалась на воду. Лайтоллер действовал с точностью хирурга во время сложной операции. Одно поспешное движение, один неосторожный жест – и шлюпка перевернулась бы, опрокинув пассажиров в ледяную воду. Снизу вверх летели голоса – крики отчаяния и последние слова любви. И вдруг, когда шлюпка болталась на полпути между палубой и поверхностью воды, Кейт услышала голос Эдвины. Дочь махала рукой, кивала и указывала на нос шлюпки. И Кейт увидела. Головка в облаке светлых кудряшек смотрела в другую сторону, но ошибки не было – там, свернувшись калачиком, сидела Алексис. Волна радости затопила Кейт.

– Я ее вижу! Вижу! – крикнула она Эвине.

Алексис, слава богу, в безопасности, с остальными... Пятеро ее детей, ее драгоценных крошек, все вместе в одной шлюпке. На судне остались только они четверо... Чарлз тихо переговаривался с другими мужчинами, которые только что проводили своих жен и теперь подбадривали друг друга: все будет хорошо, скоро они тоже покинут корабль...

– Слава богу, Берт, они ее нашли! – Каким облегчением было знать, что с Алексис все в порядке! Кейт даже обрадовалась, хотя обстановка вокруг была далеко не веселой. – Почему, ради всего святого, ей заблагорассудилось забраться в шлюпку без нас?

– Может, кто-нибудь схватил ее и сунул в шлюпку, когда она убегала от нас. От испуга малышка ничего не могла сказать. Как бы то ни было, сейчас она в безопасности. Теперь твоя очередь, и это не обсуждается, – сурово заявил, чтобы скрыть собственный страх Берт, но Кейт видела мужа насквозь.

– Не понимаю, почему бы мне не подождать вас. Дети под присмотром Эдвины.

Ей было страшно от одной мысли, что дети в шлюпке без матери, но теперь, зная, что Алексис в безопасности, Кейт хотела остаться с мужем. В который раз она возблагодарила Бога за то, что Эвина сумела сообщить ей радостную весть.

Спущенные на воду шлюпки поспешно удалялись от корабля. Когда коснулась ледяной воды и восьмая, Эвина крепче прижала к себе Тедди, чтобы поудобнее усадить Фанни к себе на колени, но скамья была слишком высокая. Дотянуться до носовой части шлюпки, где сидела Алексис, тоже оказалось невозможным, а Джордж греб с остальными и чувствовал, что делает важное дело. По правде говоря, его помощь была как нельзя кстати. Наконец Эвина нашла выход: попросила передать по цепочке Алексис, что они рядом, – и с волнением ждала, когда ее слова дойдут до сестры. Наконец девочка повернула голову – и Эвина ахнула: эта хорошенькая малышка, издали так похожая на ее сестру, была не Алексис! Эвина поняла, что совершила чудовищную ошибку: успокоила мать, что Алексис с ней, и теперь ее не будут искать. Эвина судорожно вздохнула и разрыдалась. Малышка Фанни тоже захныкала, и старшая сестра крепче прижала ее к себе.

Алексис же спокойно сидела в своей каюте. Она ускользнула, когда мать побежала вслед за Уной, и вернулась за своей красивой куклой, без которой не хотела покидать корабль. В каюте было теплее и гораздо спокойнее, не так страшно, как на палубе. Здесь ее не заставят садиться в эту страшную лодку и не опустят в мерзкую темную воду. Она просто подождет, когда вернутся мама и папа, тихонько посидит тут со своей любимой миссис Томас. Девочка слышала, как наверху играет оркестр. В открытые окна влетали звуки регтайма, чьи-то голоса, крики и невнятный шум, но больше никто не бегал по коридорам.

Все пассажиры были на палубе: прощались с любимыми и торопились занять места в спасательных шлюпках. Взрывались сигнальные ракеты, радист неистово пытался связаться с ближайшими судами, чтобы позвать на помощь. Первым, в ноль восемнадцать, откликнулся «Франкфурт», затем – «Маунт Темпл», «Виргинец» и «Бирма», зато с «Калифорнийца» не было вестей с тех пор, когда он послал на «Титаник» предупреждение об айсбергах, а Филлипс осадил их радиста, чтобы не тревожил по пустякам. Радио «Калифорнийца» безмолствовало, а это был единственный корабль, который находился к ним ближе всех. От сигнальных

ракет толку тоже не было. Моряки на «Калифорнийце» если и видели их, то могли предположить, что на «Титанике» празднуют его первый рейс. И ни одна душа не заподозрила, что они тонут. Кому это могло прийти в голову?

В ноль двадцать пять «Карпатия», которая находилась в пятидесяти восьми милях от них, приняла сигнал «SOS» и обещала быть на месте как можно скорее. К этому времени откликнулся также «Олимпик», предшественник «Титаника», но ему предстояло пройти пятьсот миль, так что в данный момент ничем помочь не мог.

Тем временем капитан Смит метался по радиорубке, а радист Филлипс не переставая передавал стандартные сигналы бедствия. По настоянию капитана был также дан сигнал «SOS», который мог принять даже радиолюбитель. Им нужна была любая помощь, и прямо сейчас! Первый сигнал ушел в ноль сорок пять, и в это время Алексис уже сидела в опустевшей каюте со своей куклой и напевала ей песенки. Она знала, что мама отругает ее, когда вернется, за то, что убежала, но, может, не станет так уж сердиться: ведь у нее сегодня день рождения.

На палубе отправляли очередную шлюпку. На правом борту забраться в нее пытались и мужчины, но Лайтоллер оставался непреклонен: только женщины и дети. В шлюпки сажали также пассажиров второго класса. Пытался пробиться сквозь ограждения и запертые двери в надежде пробраться во второй или даже первый класс кое-кто из пассажиров третьего, но не знали, куда идти, тем более что команда угрожала стрелять: опасались грабежей и порчи имущества. Пассажирам велели убираться туда, откуда пришли, но люди кричали, угрожали и умоляли, чтобы их пропустили к шлюпкам. Была там и молодая женщина-ирландка с маленькой дочерью и подругой, которая пыталась их убедить, что пришла как раз из первого класса. Но кто же ей поверит?..

Кейт и Берт на минуту зашли в спортивный зал погреться и заодно избежать тягостного зрелища – слез и слов прощания пассажиров следующей шлюпки, которую отправлял Лайтоллер. Филипп остался на палубе с Джеком Тейером и Чарлзом помогать женщинам и детям садиться в шлюпки. Чета Астор так и не покинула зал: они по-прежнему сидели на механических лошадях и тихо разговаривали. Казалось, миссис Астор не торопится покидать пароход. Их горничная и камердинер были высланы на палубу, чтобы наблюдать за обстановкой.

– Думаешь, с детьми все будет в порядке? – Кейт с тревогой взглянула на мужа, и тот кивнул, радуясь, что по крайней мере пятеро их детей покинули тонущий корабль. Оставалось отправить Филиппа и Кейт: он надеялся, что Лайтоллер в конце концов позволит сесть в шлюпку и старшему сыну, – зато положение самого Берта, а также Чарлза, было практически безнадежным, и оба это понимали.

– У них все будет хорошо, – попытался приободрить жену Берт. – И такое приключение они запомнят на всю жизнь, да и я тоже. – Он внимательно посмотрел на Кейт, взял ее изящную руку и поцеловал кончики пальцев. – Мне кажется, корабль тонет, и ты должна отправиться со следующей шлюпкой. А я попробую что-нибудь придумать, чтобы отправить вместе с тобой и Филиппа. Ему всего шестнадцать, едва вышел из детского возраста, должны пропустить!

– Не понимаю, почему я не могу подождать, когда начнут сажать и мужчин. Вместе и отправимся. Эдвине я все равно ничем не помогу, но она очень умная девочка.

Кейт улыбнулась, хоть и чувствовала себя ужасно, оттого что разлучена с детьми. Она очень хотела верить, что все будет хорошо. Эдвина справится. Кейт тревожилась только за старшего сына, мужа и жениха дочери. Им бы только оказаться в спасательной шлюпке всем вместе! Пропади пропадом этот корабль, лишь бы все успели спастись. Конечно, так и будет! Команда действовала слаженно и уверенно, в спускаемых на воду шлюпках оставались свободные места – значит, хватит на всех. Иначе зачем бы они отправляли в море шлюпки, не до конца заполненные? Она не сомневалась, что у них в запасе еще достаточно времени до того, как что-то произойдет, – а может, и вообще ничего не будет. Царившее на палубе спокойствие, отсутствие паники внушило Кейт уверенность, что бояться нечего.

И только капитан Смит на мостике знал правду. Шел второй час ночи. Уже затопило моторный отсек. Не было сомнений: корабль шел ко дну, – это лишь вопрос времени. Капитан знал, что оно истекает. Радист Филлипс рассылал отчаянные радиogramмы, но с «Карпатии» по-прежнему не отвечали. Была минута, когда кому-то там показалось, что «Титаник» выглядит странно, и один из офицеров подумал, что корабль сидит в воде под странным углом, но никому и в голову не пришло, что «Титаник» тонет. С «Олимпиака» пришла радиogramма с вопросом, не может ли «Титаник» подойти поближе. Никто не понимал, что происходит и как скоро новое судно уйдет на дно. Невозможно было представить, чтобы «непотопляемый» пароход, самый большой в мире, на самом деле тонул! А «Титаник» уже наполовину ушел под воду. Когда Кейт и Берт вышли из спортивного зала, атмосфера на палубе была уже другой. Люди больше не перекликались веселыми голосами, женщины плакали навзрыд, а мужья умоляли быть храбрыми и садиться в шлюпки без них. А если какая-то из них упиралась, то ее просто толкали в крепкие руки моряков, а те буквально бросали женщину в спасительную шлюпку. На левом борту Лайтоллер по-прежнему кричал: «Только женщины и дети», – но на правом у мужчин еще оставалась надежда, особенно если они что-то понимали в морском деле: ведь нужно же было кому-то грести. Некоторые плакали в открытую. Повсюду можно было наблюдать душераздирающие сцены прощания. Детей почти не осталось, и Кейт в который раз порадовалась, что и ее дети уже покинули корабль – (все, кроме Филиппа, но и он уедет с ними). Краем глаза она заметила на палубе миссис Аллисон с Лорен и вспомнила про Алексис, которая благополучно сидела в шлюпке номер восемь, с братьями и сестрами. Миссис Аллисон ни на мгновение не отпускала дочь и до сих пор отказывалась уезжать без мужа, а младшенького, Тревова, с няней в одну из самых первых шлюпок успела посадить. Уже многие понимали, что почти все шлюпки уже в море, а на корабле еще две тысячи людей, у которых не было возможности покинуть тонущий пароход и спастись, и догадывались, что капитан Смит, конструктор судна и директор «Белой звезды» знали с самого начала: лодок на всех не хватит. Если корабль пойдет на дно, все оставшиеся утонут вместе с ним. Но кто мог подумать, что «Титаник» утонет и что шлюпки станут единственным спасением для его пассажиров?

Капитан оставался на мостике, а Томас Эндрюс, исполнительный директор компании, построившей громадный корабль, помогал сажать людей в шлюпки. Зато Брюс Исмей, директор паровой линии «Белая звезда», поднял повыше воротник пальто и сел в одну из первых шлюпок, и никто не посмел его остановить. Вместе с немногими счастливыми он был спущен в шлюпку в море, бросив на произвол судьбы почти две тысячи обреченных.

– Кейт... – Берт окликнул жену, которая наблюдала, как очередная шлюпка болталась на балках. – Ты должна уехать в ней.

Но она только покачала головой. Их взгляды встретились, он увидел в ее глазах силу и решимость и понял: жена, всегда покладистая, сейчас не уступит, что бы он ни сказал...

– Я тебя не оставлю, – сказала она тихо. – А в следующую шлюпку пусть сядет Филипп. Мы же уедем вместе, когда получится. – Прямая спина и твердый взгляд его убедили, что Кейт не передумает. Двадцать два года прожили они в любви и согласии; не покинет она его и в последнюю минуту. Дети, за исключением старшего сына, находятся в безопасности. А ее место рядом с мужем!

– Но что, если мы не сможем покинуть корабль?

Как только дети оказались в безопасности, страх немного отпустил Бертрама, и он смог произнести эти роковые слова. Ему хотелось одного: чтобы Филипп уехал вместе с Кейт и Чарлзом, если парню повезет. Он уже смирился с мыслью, что может погибнуть, лишь бы спаслись остальные. Ему была невыносима мысль, что погибнет и Кейт. Это несправедливо: детям нужна мать. Как же отправить ее, пока не поздно?

– Кейт, ты не можешь оставаться.

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. – Долгую минуту он держал жену в объятиях, раздумывая, не поступить ли так же, как другие мужья: толкнуть Кейт в руки матросов, а те бы буквально швырнули ее в шлюпку? Но Берт не мог такое допустить: он слишком ее любил. Они с Кейт прожили вместе целую жизнь, и он уважал ее желание, хотя оно могло стоить ей жизни. Жена была готова умереть вместе с ним. Как много это для него значило! У них была одна любовь на двоих, страсть и нежность.

– Если ты останешься, я останусь тоже. – Кейт отчетливо произнесла эти слова, когда он крепко прижимал ее к себе. Как же он хотел, чтобы она уехала, но принуждать ее не смел. – Если суждено умереть, то вместе, в один день.

– Кейт, так нельзя! Подумай о детях!

Все это было бесполезно: она уже подумала и приняла решение. Всем сердцем Кейт любила детей, но и мужа любила не меньше. Если они погибнут, о детях позаботится Эдвина – она уже взрослая. И кроме того, в глубине души Кейт все еще надеялась, что не стоит заламывать руки, как в дешевой мелодраме, что все они, в конце концов, сядут в шлюпки, а потом вернуться на «Титаник» уже ко второму завтраку. Она пыталась сказать это Берту, но он лишь покачал головой.

– Не думаю. Полагаю, дело намного серьезнее, чем нам говорят.

В действительности все было гораздо хуже, чем они могли вообразить. В час сорок на капитанском мостике выпустили последнюю ракету; пассажиров сажали в последние шлюпки, а далеко внизу, в роскошной каюте, втайне от всех, малышка Алексис укачивала свою любимую миссис Томас.

– У тебя есть обязательства перед детьми. Ты должна покинуть корабль, – в последней отчаянной попытке сказал Берт.

Стиснув его руки в своих, Кейт посмотрела мужу в глаза.

– Берт Уинфилд, не трать слова попусту: я не оставлю тебя, – так что не старайся.

Неподалеку от них такое же решение приняла миссис Штраус, но та была гораздо старше Кейт и без детей, зато у миссис Аллисон дети были, но она тоже решила остаться с мужем и дочкой. Они умрут вместе, если пароход пойдет ко дну. Уже все понимали, к какой развязке идет дело.

– Что с Филиппом? – Берт решил отступить на время, надеясь, что еще сумеет переубедить жену.

– Ты сказал, что попытаешься что-нибудь придумать.

На палубе снаряжали последнюю шлюпку. Оставалась еще одна, номер четыре, подвешенная за стеклянными переборками прогулочной палубы, там командовал Лайтоллер. Моряки открывали окна – через них в шлюпку могла погрузиться еще одна партия женщин и детей, и это будет последняя шлюпка, покидающая «Титаник».

Берт подошел к офицеру и попытался с ним заговорить, но тот работал как одержимый: к этому моменту корабль уже кренился вовсю. Кейт видела, как Лайтоллер решительно затряс головой, глядя в сторону Филиппа, который стоял рядом с Тейером и его отцом.

– Он говорит, что это совершенно невозможно, пока на борту остаются женщины и дети, – сообщил Берт.

Начинали пропускать пассажиров второго класса, потому что в первом детей больше не было, кроме малышки Лорен Аллисон. Глядя на нее, Кейт слабо улыбнулась и поспешила отвести взгляд. То, что происходило сейчас между людьми, было слишком трогательным и слишком личным, не предназначенным для посторонних глаз.

Филипп, Чарлз, Берт и Кейт посоветовались, как, невзирая на Лайтоллера, посадить в шлюпку обоих молодых людей, а потом, если получится, и супругов.

– Думаю, нужно просто немного подождать, – спокойно предложил Чарлз, оставаясь джентльменом, воплощением хороших манер и силы духа даже в минуту смертельной опасности. – Но вам, миссис Уинфилд, нужно уезжать прямо сейчас, пока толпа не ринулась на штурм. Нет смысла задерживаться здесь, среди мужчин: вы же знаете, какими грубыми они могут быть. – Он тепло улыбнулся, впервые разглядев, насколько его возлюбленная Эдвина похожа на Кейт. – Мы тут отлично справимся. И, если позволите совет, на вашем месте я бы прихватил с собой этого юношу.

Но как? Они заметили, как один молодой человек, ровесник Филиппа, сумел сесть в шлюпку, переодевшись в женское платье. Обманщику угрожали оружием, но, в конце концов, оставили в шлюпке: времени на то, чтобы высадить, уже не оставалось. И это давало некоторую надежду. Берг решил не связываться с Лайтоллером – тот не желал ничего слышать. Разумеется, никто из них не догадывался, что на правом борту «Титаника» дела обстоят иначе. Судно было слишком большим, чтобы слышать, что делается у другого борта. Кейт по-прежнему твердила, что не оставит мужа. Тем временем Филипп вернулся переговорить с Тейером. Чарлз уселся в кресло на палубе и закурил сигарету, чтобы не вмешиваться в спор между родителями Эдвины, очень серьезный спор, и погрузился в печальные мысли. Никакой надежды на спасение лично у него не было.

Внизу под палубами людей не было. Матросы прошлись по всем каютам. Вода добралась до палубы «Д». Алексис, которая сидела в большой гостиной, слышала, как оркестр играл веселую музыку. Время от времени из коридора раздавались шаги – пробежал матрос или кто-нибудь из пассажиров второго класса искал выход на шлюпочную палубу. Девочка вдруг забеспокоилась – почему никто не возвращается? Ей надоело играть в одиночестве, но садиться в шлюпку было страшно. Алексис ужасно соскучилась по маме и папе, но знала, что ей попадет: ее всегда ругали, особенно Эдвина, когда она убегала!

Но вот послышались тяжелые шаги. Она подняла голову: может, это папа, или Чарлз, или Филипп? – но в дверях появилось чужое лицо. При виде маленькой девочки стюард, который покидал палубу последним, был поражен, ведь в каютах на палубе «В» давным-давно никого не должно быть. Он решил пробежаться по каютам еще раз, прежде чем их затопит вода, поднимающаяся с палубы «С», просто на всякий случай и пришел в ужас: маленькая девочка с куклой, одна-одинешенька!

– Эй, ты почему здесь? – Он сделал к ней шаг, но Алексис бросилась в соседнюю каюту и попыталась захлопнуть дверь, однако грузный стюард с окладистой рыжей бородой оказался проворнее. – Минуточку, юная леди! Что это вы здесь делаете? – Как же она смогла сбежать, и почему никто за ней не пришел? Нужно отвести ее наверх и побыстрее посадить в шлюпку. – Идемте же...

Стюард оглянулся в поисках какой-нибудь теплой одежды: у ребенка не было ни шапки, ни пальто.

– Нет, я не хочу! – Алексис заплакала, когда высокий крепкий мужчина схватил ее на руки, срывая с кровати одеяло, чтобы закутать ее вместе с куклой, которую она не выпускала из рук. – Я подожду здесь! Я хочу к маме!

– Детка, мы найдем твою маму. Но нельзя терять ни минуты!

Прижимая малышку к себе, стюард бросился вверх по лестнице. На уровне прогулочной палубы его окликнул один из матросов:

– Отправляем последнюю! На шлюпочной палубе лодок больше нет. Последняя уходит с прогулочной, ее собирались опускать минуту назад... Торопись, приятель!

Грузный стюард выбежал на прогулочную палубу как раз вовремя. Стоя на подоконнике, Лайтоллер и другой моряк сражались с шлюпкой номер четыре, висевшей на балках снаружи за открытыми окнами.

– Эй, погодите! Тут еще одна!

Алексис визжала, брыкалась и звала мать, а та и не догадывалась, поскольку была в полной уверенности, что дочь благополучно отбыла с остальными детьми!

Лайтоллер уже опускал шлюпку, когда к нему подбежал стюард.

– У меня еще один ребенок!

Второй помощник обернулся через плечо: кажется, момент упущен, – и покачал головой. Внизу, в болтавшейся на балках шлюпке, уносившей последних женщин, которые пожелали оставить корабль, сидели миссис Астор и мать Джека Тейера. Джон Джейкоб Астор пытался сесть с ними, поскольку его жена находилась в деликатном положении, но Лайтоллер был непоколебим, и Маделайн Астор села в шлюпку в сопровождении горничной.

Стюард посмотрел вниз. Шлюпка болталась прямо под ним и вернуть ее не было никакой возможности. Но не оставлять же девочку на борту! Посмотрев на нее, он поцеловал малышку в лобик – как мог бы поцеловать собственное дитя – и бросил в окно, в шлюпку, моля Бога, чтобы кто-нибудь из пассажиров смог ее поймать, и чтобы она не переломала себе кости. Многие женщины, которых насильно отправляли в шлюпки, получили вывихи и даже переломы, но Алексис повезло: сидевший на веслах моряк протянул руки и поймал ее на лету. Она сильно кричала, в то время как палубой выше ее ни о чем не подозревавшая мать тихо переговаривалась с мужем.

Стюард сверху наблюдал, как девочку благополучно пристроили рядом с женщиной, державшей за руку ребенка. Лайтоллер с остальными продолжали опускать лодку – пятнадцать футов вниз, где плескался черный ледяной океан. Алексис села, крепко прижимая к себе куклу и с ужасом глядя на огромный корпус корабля. Увидит ли она когда-нибудь маму? Словно в предчувствии неминуемой беды, она опять заплакала. Лодка плюхнулась в воду. Моряки и женщины немедленно схватились за весла, и шлюпка медленно отошла от парохода. Это была последняя шлюпка, которая покинула «Титаник», и произошло это без пяти два.

В два часа ночи Лайтоллер все еще сражался с четырьмя складными шлюпками, три из которых никак не желали отделяться от креплений, но одну все-таки удалось опустить. Было ясно, что это последний шанс покинуть пароход. Команда окружила шлюпку, чтобы пропускать только женщин и детей, но Бертраму все же удалось уговорить Лайтоллера посадить и Филиппа! Сборная шлюпка номер четыре ушла в море вслед за остальными, и супруги Уинфилд проводили ее глазами. На этом спасательные работы завершились. Больше идти было некуда. Пути к спасению отрезаны. Оставшиеся на корабле люди были обречены пойти ко дну вместе с ним. Берт был поражен: Кейт отказалась ехать вместе с Филиппом! Он намеревался втолкнуть ее в шлюпку, но она так прильнула к нему, что невозможно оторвать. Теперь, когда стало слишком поздно, в их последние минуты, он тоже обнял жену и не собирался выпускать из объятий, пока они живы.

Мимо рука об руку прошли Штраусы, а на шлюпочной палубе стоял Бенджамин Гугенхайм в полном вечернем облачении со своим камердинером. Берт и Кейт целовались, держась за руки, и говорили друг другу милые нежные глупости, вспоминали, как они встретились... день свадьбы... рождение детей...

– Сегодня день рождения Алексис, – тихо сказала Кейт, глядя на мужа, и принялась вспоминать, как шесть лет назад, солнечным воскресным днем, рожала ее в их доме в Сан-Франциско. Кто мог подумать, что так все кончится? Какое счастье, что все их дети останутся в живых! Старшая сестра будет их любить, заботиться и баловать.

Сердце Кейт сжималось при мысли, что она никогда их больше не увидит. Берт тоже едва сдерживал слезы.

– Почему ты не уехала с ними, Кейт? Ты ведь так им нужна!

Его снедала глубокая печаль. Кто мог представить, что их ждет такой конец? Если бы они сели на другой корабль... если бы только... если бы... Этим «если бы» не было конца.

– Берг, я не смогла бы жить без тебя. – Кейт крепко обняла мужа и привстала на цыпочки, дотянувшись до его губ. Поцелуй был долгим.

А тем временем люди уже прыгали за борт, и они успели увидеть, как прыгнул за борт Чарлз. Палуба находилась всего в десяти футах над водой, и некоторым удалось благополучно доплыть до шлюпок. Но Берг знал, что Кейт плавать не умеет, поэтому бросаться в воду смысла не было. Они прыгнут, но позже, когда придет момент. Они все-таки надеялись, что смогут добраться до шлюпок и спастись, когда корабль затонет.

Тем временем предпринимались попытки спустить еще две сборные лодки, но вторую, даже освобожденную от канатов, оказалось невозможным спустить с палубы вследствие крена корабля. Джек Тейер прыгнул за борт, как только что до него сделал Чарлз, и чудом добрался до сборной лодки, на которой отправили Филиппа. Им пришлось стоять, потому что лодка набрала слишком много воды.

Его родители не размыкали объятий, когда на палубу хлынула вода. Кейт вскрикнула – вода была обжигающе ледяной. Они тонули. Берг изо всех сил пытался держать жену на поверхности, но их затягивало в водоворот. Последними ее словами, когда вода накрыла их с головой, были: «Я люблю тебя!». Кейт улыбнулась, и ее не стало. Она выскользнула у него из рук, а на него обрушились обломки мачты. В эту же минуту безжалостный водоворот затянул и увлек на дно Чарлза Фицджеральда.

Под водой скрылась и радиорубка, и капитанский мостик. Одна из сборных лодок дрейфовала неподалеку, как надувной матрас на летнем пляже. Сотни людей барахтались в воде, когда нос огромного судна обрушился в океан. Давно умолкли звуки регтайма, и последним, что успел сыграть оркестр, были печальные такты гимна «Осень», которые уносились вдаль, к шлюпкам, где сидели женщины и дети, а также те из мужчин, которым посчастливилось сесть в шлюпки на правом борту, вдалеке от бдительного надзора неумолимого Лайтоллера. Музыкальные обрывки висели в холодном ночном воздухе, как льдинки. Эта музыка будет преследовать выживших до конца их дней.

Сидевшие в шлюпках видели, как носовая часть обрушилась в воду с такой силой, что корма взлетела в воздух и вонзилась в небо, как огромная черная гора. Как странно! Там, похоже, еще долго горел свет, потом мигнул и пропал, зажегся снова и пропал навсегда. А корма осталась торчать над пучиной, вонзаясь в ночное небо, точно дьявольская скала. Раздался душераздирающий рев: все смешалось и сокрушилось во внутренностях корабля; гул заглушал крики отчаяния. Передняя труба отломилась и рухнула в океан в облаке огненных искр с ужасающим грохотом, и Алексис, которая лежала на одеяле возле какой-то незнакомой женщины, снова закричала.

Потом Эдвина увидела на фоне неба очертания трех громадных винтов. Раздался рев, которого не слышало ни одно человеческое ухо: как будто корабль разорвало пополам. Наблюдая за кошмарным зрелищем, Эдвина знала только, что потеряла и Чарлза, и Филиппа, и Алексис, и родителей: вряд ли хоть кому-то из них удалось спастись. Она сжимала руку Джорджа, который впервые не находил слов, чтобы дать определение только что увиденному. Мальчик спрятал лицо в объятиях сестры, и оба плакали, сидя в шлюпке номер восемь и наблюдая за трагедией, постигшей непотопляемый «Титаник».

Наконец исчезла и корма: огромный пароход устремился на дно океана, – и люди выдохнули, не в силах поверить, что все закончилось: «Титаник» погиб. Пятнадцатого апреля 1912 года, в два часа двадцать минут ночи, через два часа сорок минут после того, как наскочил на айсберг. Сидя рядом с Джорджем и прижимая к себе Фанни и Тедди, Эдвина молила Бога, чтобы ее родные сумели спастись.

Глава 4

«Карпатия» приняла последнее сообщение с «Титаника» в час пятьдесят. К этому времени в моторном отсеке вода уже заливала топки. После этого о судьбе корабля никто ничего не знал. Они пошли к «Титанику» на всех парах, предположив, что на судне серьезные неприятности, но никто и на миг не заподозрил, что судно могло затонуть, пока они не добрались до места.

В четыре утра «Карпатия» прибыла в тот квадрат, что указал радист «Титаника», и капитан Рострон озирая просторы океана, не верил собственным глазам: корабль исчез, растворился, даже следов не оставил.

Они осторожно продвигались вперед в надежде обнаружить хоть что-нибудь, но прошло еще десять минут, когда вдали они заметили зеленые вспышки и подумали, что, возможно, там уже на горизонте, и был «Титаник», но в следующее мгновение капитан Рострон и его люди поняли, что это. Огни вспыхивали на шлюпке номер два, и не на горизонте, а прямо у них под боком. Когда «Карпатия» подошла к шлюпке вплотную, капитан Рострон уже не сомневался, что «Титаник» затонул.

Было чуть больше четырех утра, когда на «Карпатию» подняли первую пассажирку с «Титаника», мисс Аллен. Пассажиры «Карпатии» тем временем толпились на палубах и в проходах: заметив, что «Карпатия» меняет курс, а команда к чему-то явно готовится, сначала они боялись, что несчастье с их кораблем, затем кто-то услышал, что тонет «Титаник»... непотопляемый корабль терпит бедствие... айсберг... И теперь, всматриваясь в океан, люди увидели, что пространство вокруг их судна мили на четыре заполнено шлюпками. Те, кто в них находился, принялись кричать, звать на помощь и размахивать руками. В некоторых шлюпках, напротив, царило молчание: видимо, слишком велико было потрясение, чтобы хоть что-то произнести. До сих пор перед мысленным взором каждого стояла огромная корма, торчавшая вверх, закрывая ночное небо и звезды, рухнувшая затем в пучину, унося с собой жизни мужей, братьев и друзей, – их уже не вернуть!

Эдвина смотрела, как к ним приближается корпус «Карпатии». Передав Джорджу малыша, она усадила Фанни между собой и братом. Руки Джорджа совершенно окоченели, грести он больше не мог, и тогда она, по-прежнему в перчатках Чарлза, сама взялась за весло, заняв место рядом с графиней Ротс, которая мужественно гребла последние два часа. Джордж честно сделал все, что мог, но Эдвине пришлось долго успокаивать Фанни – девочка плакала, звала то маму, то сестренку Алексис.

Ей очень хотелось верить, что Кейт разыскала Алексис, что все будет хорошо. Даст Бог, малышка в одной из шлюпок вместе с родителями, Филиппом и Чарлзом. Она обязана была в это верить! «Карпатия» приближалась, люди в шлюпках перекликались в надежде найти близких. Может, они в той лодке? Не видел ли их кто? Несколько шлюпок успели сцепиться друг с другом, но шлюпка номер восемь и некоторые другие плыли сами по себе, медленно прокладывая путь в воде среди ледяного крошева. В семь утра наконец подошла их очередь. Был спущен веревочный трап и канатная петля, и матросы с «Карпатии» приготовились поднять их наверх, на палубу, где уже дожидались другие. В шлюпке номер восемь было двадцать четыре пассажира: женщин и детей – и четверо членов команды. Сидевший на веслах старший матрос Джонс сообщил морякам, что наверху, что с ними совсем маленькие дети, и тогда с корабля спустили мешок для почты. Дрожащими руками Эдвина помогла матросу одного за другим помещать в мешок детей, потом и Фанни, хотя девочка плакала и умоляла ее не трогать...

– Все будет хорошо, дорогая. Сейчас мы поднимемся на этот большой пароход, а потом пойдем искать маму и папу, – пыталась убедить сестру, а заодно и себя, Эдвина.

Глядя на темноволосую головку сестры, выглядывавшую из мешка, она не смогла сдерживать жгучих слез. Господи, что им пришлось вынести! Она почувствовала, как Джордж сжал ее руку, и ответила пожатием, избегая смотреть на брата: боялась разрыдаться. Сейчас она не может позволить себе такую роскошь, потому что обязана позаботиться о младших. Думать о чем-то другом она просто не имеет права.

Эдвина не успела надеть ни шаль, ни шляпку, и голова так замерзла, что казалось, будто в нее забивают гвозди, а руки были и вовсе словно из мрамора. Почтовый мешок опустили в очередной раз, и с помощью стюарда Харта она посадила в него Тедди. Ребенок так замерз, что личико у него сделалось синим, и она в который раз за эту ночь испугалась, как бы он не умер от переохлаждения. Она очень старалась его согреть: прижимала к себе, растирала ручки, ножки, щеки, – но жестокий мороз был слишком тяжелым испытанием для него и маленькой Фанни. Наверняка замерз и Джордж, но молчал как настоящий мужчина. И теперь она тревожилась за них так, что у нее самой не осталось сил держаться за канат. Сначала она обвязала канатом Джорджа, и, пока его поднимали, не спускала с него глаз. Каким маленьким он ей показался! Она никогда не видела весельчака Джорджа таким подавленным. А затем петлю спустили за ней самой, и стюард Харт помог ей ее надеть. По пути вверх она хотела было закрыть глаза, но ее заворожил нежно-розовый рассвет над холодным морем, испещренным ледяными глыбами, среди которых плыли шлюпки с людьми, ожидающих спасения. Ни одна из шлюпок не была заполнена до отказа, так что можно было надеяться, что в какой-то из них она найдет тех, с кем рассталась всего несколько часов назад на шлюпочной палубе «Титаника». Вспоминать об этом было невыносимо. Едва ноги Эдвины коснулись палубы, как она расплакалась.

– Ваше имя? – спросила ожидавшаяся на палубе «Карпатии» горничная, а матрос набросил ей на плечи одеяло.

Для них уже приготовили чай, кофе и бренди. Судовой врач с помощниками приступили к осмотру спасенных. Для тех, кто не мог идти, на палубе разложили носилки. Сколько ни оглядывалась по сторонам, Эдвина не увидела ни своих родных, ни Чарлза. Внезапно силы оставили ее, и она с трудом произнесла:

– Эдвина Уинфилд.

На борт поднимали других выживших, прибывали новые шлюпки, и Эдвина с надеждой молилась, чтобы дорогие ей люди оказались там.

– А ваши дети, миссис Уинфилд?

– Мои... что? Нет, это мои братья Джордж и Теодор и сестра Френсис.

– Вы путешествуете вчетвером?

Кто-то подал ей чашку горячего чая. Она физически ощущала, как десятки глаз ощупывают ее бледно-голубое вечернее платье, видневшееся из-под пальто, а служащие ждут ее ответа.

– Нет... с родителями, мистером и миссис Бертрам Уинфилд из Сан-Франциско, братом Филиппом, сестрой Алексис и женихом, мистером Чарлзом Фитцджеральдом.

– Вам известно, удалось ли им покинуть борт судна? – с сочувствием спросила горничная, провожая ее в главный обеденный салон, превращенный в лазарет и пункт размещения для выживших с «Титаника».

– Я не знаю... – Эдвина подняла на горничную глаза, полные слез. – Возможно, они сели в другую шлюпку. Когда мы отплывали, мама искала младшую сестру... и мне показалось, что... она в нашей шлюпке: девочка была очень похожа на нее, но...

Из глаз ее хлынули слезы. Горничная терпеливо ждала, поглаживая ее по плечу. В обеденном салоне было уже полно народу. Женщин трясло от холода, многих тошнило. Те, у кого были стертые в кровь руки от холода и работы на веслах, пытались их перевязать бинтами и чем придется. Дети, сбившись стайкой, смотрели на них огромными испуганными глазами

и молчали или тихо плакали. Джордж держался молодцом. Вокруг Тедди хлопотала медсестра. Мальчик еще дрожал от холода, но уже не выглядел смертельно бледным, с посиневшими губами. Маленькая Фанни, все еще испуганная, цеплялась за юбки Эдвины и тихонько плакала.

К кораблю подходили все новые шлюпки, даже те четыре, которые были связаны вместе. Мужчин в сборной лодке давно подобрала шлюпка номер двенадцать. Туда, в конце концов, попал и Джек Тейер, но когда его снимали с полузатонувшей брезентовой лодочки, он настолько выбился из сил, что не замечал никого вокруг. Его мать находилась в соседней шлюпке номер четыре, но они не увидели друг друга, поскольку пребывали в бессознательном состоянии.

Эдвина оставила младших на Джорджа, который, напившись горячего шоколада, чувствовал себя очень неплохо, и пошла на палубу наблюдать за спасательной операцией. На палубе уже стояли несколько знакомых дам, и среди них Маделейн Астор. Она хоть и не надеялась, что ее супругу удалось покинуть корабль после нее, но хотела видеть тех, кто поднимался на борт из шлюпок, просто на всякий случай... Сама мысль, что она потеряла мужа, была ей невыносима! Точно так же Эдвина молилась, чтобы увидеть знакомое лицо среди спасенных. Она стояла наверху, у поручней, и смотрела, как мужчины карабкаются по веревочному трапу, как с помощью петли поднимают женщин и как прибывают дети в мешке для почты. Некоторые мужчины обморозили руки, поэтому не могли подниматься сами. Но вот что заметила Эдвина: на палубе царило мрачное молчание. Никто не разговаривал. Все, потрясенные событиями ночи, замерзшие, словно застыли в ожидании. Чего? Наверное, чуда...

Потерявшихся детей собрали в одном месте, и они ждали, что за ними кто-нибудь придет. Женщина из шлюпки двенадцать рассказывала, как поймала на лету ребенка, кто-то добавил, что женщина из третьего класса пробралась на шлюпочную палубу, отдала ребенка, а сама вернулась к мужу.

Женщины сидели маленькими группками и тихо оплакивали своих мужчин. У горничных, медсестры и врача было полно работы. Немногочисленные мужчины им помогали, – те, что сумели спастись благодаря собственной находчивости и некоторому попустительству со стороны моряков на правом борту. Многие погибли в океане, пытаясь забраться в шлюпки. Большинство тех, кто спрыгнул с парохода, так и остались в воде: на шлюпки их не брали из опасения опрокинуться.

Эдвина увидела Джека Тейера и медленно подошла к нему: а что, если у него хорошие новости? – но молодой человек лишь печально покачал головой.

– Боюсь, мне нечем вас обрадовать, мисс Уинфилд. Сначала я видел вашего брата, но потом он исчез – возможно, смыло волной или его подобрала другая шлюпка. Одновременно со мной прыгнул с борта мистер Фитцджеральд, но больше я и его не видел. А ваши родители стояли на палубе и, похоже, не собирались покидать корабль. Простите. Больше я ничего не знаю.

Кто-то подал ему бутылку бренди, и он замолчал. Эдвина кивнула и, не скрывая слез, отошла в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.